

АЙРИН ДАР

ОПАЛЬНАЯ ЖЕНА.
ХОЗЯЙКА СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Айрин Дар

Опальная жена. Хозяйка

Северных земель

<https://litres.ru/74490722>

Аннотация

МОЯ НОВИНКА

- Ты должен избавиться от неё, Лаэрд, - приказывает любовница моего мужа. – Она изуродовала нашего сына!

Только это наглая ложь!

Я – сирота, проданная из-за магии. Пыталась полюбить мужа, но получала в ответ ненависть. И хоть на бумагах я жена, на деле – пленница и служанка замка.

Муж пытался меня убить - я сбежала в зиму и ночь. Теперь в Северных землях - диком, ледяном, почти забытом краю, где мои способности лекаря станут единственным оружием. Здесь нет титулов, интриг придворных и фальшивой любви. Здесь только я и мой дар. А ещё мужчина, который сможет исцелить моё раненое сердце.

Книга участвует в литмоба Морозная любовь

Содержание

Глава 1	5
Визуал Мейиораль Торвелл	8
Глава 2	9
Визуал Лаэрда Торвелла	12
Визуал Фриэллы Мёртинс	13
Глава 3	16
Истории, связанные с новинкой	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	61
Глава 13	64
Глава 14	67
Глава 15	72
Глава 16	77
Глава 17	82
Глава 18	87
Глава 19	92

Глава 20	95
Глава 21	101
Глава 22	104
Глава 23	107
Глава 24	112
Визуал альты Тиэррис Холыц и её фамиляра	118
Глава 25	119
Глава 26	124
Глава 27	128
Глава 28	131
Глава 29	135
Глава 30	138
Глава 31	142
Глава 32	146
Глава 33	149
Глава 34	152
Глава 35	156
Глава 36	159
Глава 37	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Глава 1

- БЕГИ, МЕЙЯ! - крик застывает в ушах, будто сам воздух вокруг запоминает каждое слово.

В трёх метрах от меня, пачкая снег кровью, катаются братья: мой ненавистный муж - Лаэрд, желающий меня убить, и его родной брат Кирен. Их удары глухо отзываются в морозной ночи, будто бьют они не друг друга, а ледяное сердце зимы.

Накидка, сорванная с моих плеч, валяется тут же, рядом с перевёрнутым ведром, в котором ещё минуту назад была вода. Теперь она впиталась в моё платье ледяным ножом, режущим кожу, а я дрожу от невыносимого холода и страха.

У меня два варианта: остаться на месте и погибнуть - или бежать, сколько хватит сил неизвестно куда, и замёрзнуть в лесу.

И я выбираю второе.

Хватаю накидку, взметнувшуюся алым пламенем над снегом, набрасываю на плечи, завязывая тесьму. Мокрые волосы прячу под капюшон и успеваю сделать несколько шагов, слушая, как лёд хрустит под сапогами. Воздух режет горло, но вдруг рывок, и я падаю на снег, больно ударяясь локтями, которые успеваю выставить.

- Куда собралась? - Лаэрд, с окровавленной губой, тянет

меня за щиколотку, как охотник подстреленную птицу. - Тебя всё равно приговорят к смерти, гафа!

Он ошибается, я не желала никому зла! Я лишь пыталась исправить то, что натворили они с его любовницей!

- Ты убила моего сына! – шипит Торвелл, впиваясь скрюченными пальцами в мою щиколотку, и коготь пробивает кожу, добираясь до моей ноги.

Он снова оборачивается, но не по-настоящему. Таких называют полудраконами – реварнами. Тех, кто не в силах призвать вторую ипостась, а лишь проявляет её частично в когтях или чешуе на коже. Не лучшие представители рода, которых не привыкли показывать всем и каждому. Но Лаэрн добился успеха, став помощником своего отца – эрда Торвелла, Верховного Судьи Акриона.

Подтягиваю к себе свободную ногу и вкладываю в неё последние силы. Каблуком впечатывается в лицо Лаэрдун несколько раз, он кричит, но не ослабляет хватку, и тогда добавляю ослепительную магическую вспышку, и она действует. Муж ослабевает хватку, и я могу отползти, смотря, как на помощь торопиться Кирен.

- Отпусти её, брат, - просит он.

- Она изуродовала моего сына!

- Нет, он родился таким, она намеревалась ему помочь.

Но Лаэрд слышал лишь то, что нащёптывала ему любовница – эрдана Фриэлла. Женщина, к ногам которой он готов сложить головы всех жён и подданных. Вдова, что переехала

в наш замок, как только потеряла мужа. Любовница, что вот уже год поселилась в его постели.

Мейя, хватит стоять!- вырывает меня из задумчивости Ашкой, мой фамилльяр-змейка. Именно он помогал мне осваивать науку эфов, когда мать учила лечить других. Он стал моим внутренним голосом, который всегда указывает верный путь.

Поднимаюсь на ноги, когда позади появляется женская фигура и два её леопарда, которых она держит на коротких поводках. Кажется, она решила покормить своих кошек. Фриэла вышла посмотреть на казнь, и явно не рада её отмене.

Бросаю взгляд на Кирена, оседлавшего брата. Он единственный из эрдов, кто был ко мне добр за эти два года. Кто стал мне куда ближе, чем просто знакомый. В его глазах грусть и невыносимая тревога, он смотрит так, что внутри всё переворачивается.

- Я найду тебя, - последнее, что слышу от него, и бросаюсь бежать.

Визуал Мейиораль Торвелл

Знакомьтесь, наша главная героиня - Мейиораль Торвелл - бабушка одной из героинь завершённых историй.

На момент истории ей двадцать, и два года она несчастливо замужем. Целительница из древнего рода эф, знания и умения которых передаются по наследству. Имеет фамильяра - маленькую змейку, которая до некоторых пор является серебрянной брошью, а когда наступает рассвет силы - переходит в помощника, оформляясь голосом в голове.

Глава 2

Снег хлещет по лицу, будто пытается остановить. Каждый шаг отдаётся болью, но страх смерти сильнее. Лес чернеет впереди, невидимый в тяжёлой ночи, и всё же зовёт, обещая хотя бы шанс, хотя бы несколько часов жизни, а после – мучительную смерть.

Мороз режущими иглами впивается в лицо. Ветер воеет в кронах, будто предостерегает: дальше нет дороги. Легкие будто слипаются от холода. Бегу не глядя, подобрав юбки, стараясь не споткнуться и не потерять равновесие. И я знаю наверняка: Фриэла выпустила своих кошек.

Соперничать с леопардами в беге – невыносимая глупость, потому останавливаюсь, поворачиваясь к противнику лицом. На меня смотрят два хищника, не бросаются сразу, словно играют или сторожат, пока не придёт хозяйка. Порою мне казалось, что она куда более жестока, чем мой муж.

Внутри загорается сила эфов: та самая, что мать называла «жгучим даром». Моё призвание – лечить других, но, если надо, я могу и за себя постоять. Только всё моё естество противиться разрушительной магии.

Раскрываю ладони, дыхание замирает. Сила устремляется в кончики пальцев, готовая в любой момент вырвать из моего тела.

Леопарды рычат, предвкушая охоту, и расходятся в раз-

ные стороны, окружая. Ждать нет смысла: повернусь к одному - другой нападёт сзади.

«Ашкой, дай всю силу», - призываю фамильяра и, сосредоточив дар, направляю магию прямо на их глаза. Ветер ледяной энергии ударяет в них, один успевает отпрыгнуть, но новый потом настигает его. Животные дёргаются и тут же, шатаясь, опускаются на землю, пока вовсе не перестают двигаться.

Я не причинила им вреда, это временное усыпление, которому меня научила мама. Эффект зависит от степени сосредоточения магии, от пары минут до нескольких дней, а то и недель. Мне надо, чтобы в ближайшее время эти кошки не шли за мной по следу. Чтобы Фриэла оставила меня в покое, нам больше нечего делить.

У неё всё: замок, муж, власть, ребёнок, пусть с уродством. У меня остались только пару часов жизни.

На бумаге я была женой Лаэрда Торвелла. Но что значат буквы, когда жизнь диктует другие условия. Он никогда не скрывал своего пренебрежения ко мне, потому что был безответно влюблён в замужнюю женщину. Его отец выменял меня на какие-то украшения, узнав, что я из древнего рода эф, и притащил в Акрион из Кельнара, моей родной империи, в надежде что я помогу его сыну обрести ипостась. Но он решил убить двух зайцев, связав нас брачными узами, потому что боялся скандала на счёт эрданы Фриэлы.

Но надеждам Великого Судьи не суждено было сбыться.

Сын так и не смог победить свою природу, я не дала ему наследника, хотя тяжело понести, когда муж не посещает твою спальную. А Лаэрд, как только любовница стала вдовой при очень странных обстоятельствах, не нашёл ничего умнее, как притащить её к нам в замок.

Узнав об этом, Юмас Торвел сразу же объявился на нашем пороге. Они долго кричали друг на друга, а потом Судья исчез. До сих пор никто не знает, что именно с ним произошло, и Кирен пытался разыскать отца, как и стражи порядка, только Судья, как сквозь землю провалился. С тех пор его должность перешла Лаэрду, а моя – жены – его любовнице. Я же при них была сиротой, испуганной девчонкой, которой позволяли лечить родственников и прислугу. А Фриэла – полновластной хозяйкой, установившей свои законы и порядки.

Я пыталась уйти, но меня догоняли и сажали под замок, пока на пороге не объявлялся Кирен. Он не был похож на старшего брата, а в его глазах можно было увидеть всю вселенную. Пожалуй, он единственный за эти два года, кто действительно был ко мне добр.

Визуал Лаэрда Торвелла

Супруг нашей героини - Лаэрд Торвелл. Всегда был в тени отца, но не так давно освободился из-под его влияния. 35 лет, Великий Судья Акриона, который не всегда выносит верные решения, полагаясь на связи и деньги.

Риварн - полудракон, у которого проявляется только часть силы в качестве драконьей чешуи или когтей. Отец мечтал, чтобы сын проявился до конца, даже нашёл ему молодую жену с сильной магией, только и это не помогло.

Визуал Фриэллы Мёртинс

Любимая женщина Лаэрда Торвелла вот уже около пяти лет. Встретив её на одном из баллов, он был сражён красотой, и с тех пор томился чувствами, не в силах взять желаемое.

Она отвечала ему благосклонностью, а когда стала вдовой, перебралась к новому жениху. Правда, он был женат, но любовники не особенно обращали внимание на молодую сироту.

Привезла с собой двух домашних животных, которые почти всегда были при ней.

Дорогие мои читатели.

Новая история на проводе. Тот, кто давно со мной, знает, что будет интересно и загадочно. Впереди приключения, выбор и долг, спасение жизней, новые знакомства и, конечно же, встреча с мужем и любовницей.

Что сделает Мейиораль для того, чтобы стать Хозяйкой Северных земель, узнаем в процессе чтения.

А чтобы порадовать автора и поддержать книгу, отправляйтесь на её карточку, добавляйте в библиотеки, если не сработали автобиблы, а так же ставьте звёзды, потому что это невероятно мотивирует на дальнейшее написание глав.

Искренне ваша, Айрин Дар

Глава 3

Не могу сказать, сколько иду, но больше сил не осталось. Пальцы давно перестали слушаться, ноги будто из дерева, и я еле переставляю их.

Ашкой кричит в голове.

Не останавливайся! Ещё немного, Мейя!

Но я долго сражалась, больше не могу. Падаю в сугроб: мягкий, будто перина, и тёмный, будто могила. А где-то далеко поднимается солнце.

Последний рассвет моей жизни.

Прихожу в себя, когда кто-то протирает лоб мокрой тряпкой. Веки дрожат и поднимаются с усилием.

- Она пришла в себя, - раздаётся детский испуганно-радостный голос.

Вспоминаю последние события, пытаюсь пошевелить пальцами на руках и ногах. Чувствую каждый.

Свет тусклый, стены деревянные, пахнет дымом, сушёными травами и какой-то кашей. Лежу на топчане, прикрытая старым одеялом, а надо мной склоняются мужчины. Двое мне неизвестны. Но третий...

Его лицо вспыхивает знакомой тенью воспоминания.

Кровь, вой, запах обгоревшей плоти, и мои ладони, исцеляющие рану на его боку.

- Мы встречались, - выдыхаю, почти не веря.

Я тоже его помню, - возникает голос Ашкая.

Мужчина склоняет голову.

- Ты спасла мне жизнь год назад. У меня не было монет, чтобы отплатить, но я всегда помнил тебя добром.

Ссылный, проходивший вместе с конвоем в Северные земли. Во время стоянки случился пожар, и меня забрали, чтобы помочь людям. Выходит, я теперь тоже здесь? Но это же в сотни лигов от нашего замка.

Девочка возвращается с дымящейся чашкой, протягивая её мне. Чувствую озноб. Лихорадка не прошла бесследно, и неудивительно, многие вообще бы не выжили.

Она подаёт мне чашку, но мои пальцы сильно дрожат, и тогда она садится рядом, протягивая мне ложку с похлёбкой.

- Это Винола, дочь кузнеца, - представляет её мужчина. – Что ты делала ночью в лесу? – теперь уже вопрос ко мне.

- Погоди, - останавливает его другой, - дай прийти в себя, три дня спала, надо силы восстановить.

Три дня лежала здесь, а мой организм лечил сам себя. Три дня!

Конечно, повлиял и Ашкой, и пока ещё я слаба, но главное – я жива.

Горячая жидкость обжигает губы, но приятное тепло расползается по телу, возвращая мне ощущение реальности. С трудом глотаю, чувствуя, как с каждым глотком дрожь унимается.

- Мы нашли тебя под каменной аркой, почти занесённую

снегом, - снова говорит один из мужчин. – Только Праматери известно, сколько ты там лежала.

Я могла умереть десятки раз. И никто бы даже не узнал. От этой мысли бросает сперва в холод, а потом в жар.

- Вы видели поблизости леопардов? – интересуюсь, и мужчины подкидывают брови.

- Волки бродят по округе, медведь один, но следов кошек нет.

Это радует, надеюсь, меня не ищут. Вспоминаю о Кирене. Что сделал с братом Лаэрд? Теперь, когда нет отца, а он – Верховный Судья, страшно представить, насколько велика его власть.

- Как твоё имя? – спрашиваю у мужчины.

- Валар. Когда-то у меня был титул, дом, семья. Но всё это осталось на юге. Моя семья теперь - эти люди, - кивает он на мужчин. – И дочка, - треплет по голове девочку. – Пусть не родная, но каждому из нас она дорога. Это Рох, - указывает на рыжебородого мужчину, - а это Ирвик, - ему, наверное, уже за пятьдесят. Крепко сложен, но выдают седые волосы. - Здесь, на Севере, живут те, кому некуда больше идти. Те, кто потерял всё, даже себя самого. Но мы держимся вместе. И если захочешь остаться - место найдётся.

Остаться? В землях, куда высылают преступников? В краю снега, ветра и холода?

Только есть ли у меня выбор?

Истории, связанные с новинкой

Дорогие читатели.

Новая история желает, чтобы я вам её рассказала. Те, кто уже знаком с Акрионом по другим историям, порадуются, ведь Опальная жена - это книга о бабушке Эйлин Торн.

Книги самостоятельные, читаются отдельно, но, если вы хотите узнать историю Мейиораль и снова встретить на страницах Ашкая - Добро пожаловать в книгу.

История внучки завершена и ждёт своих читателей

АЙРИН ДАР

НАЯ ЖЕНА. ХОЗЯЙКА ГИБЛОЙ ДОЛИНЫ

Жена советника, сосланная в аномальную зону из-за любовницы, намерена выжить. Здесь деревья требуют жертв, горы перемещаются, а каждая пядь земли может убить.

Не просто выжить и пробудить древнюю магию, текущую в жилах. Стать хозяйкой гиблой долины, выполнить обещание, данное умирающей каторжнице, исцелить земли и своё разбитое сердце.

<https://litnet.com/shrt/DN3N>

История правнучки в процессе написания

ПОПАДАНКА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

НА ПО ДОГОВОРУ. НАСЛЕДНИК ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

- Это мальчик, - говорит повитуха.

- Уберите всё тут, чтобы ничто не напоминало мне об Аннике Торн. И отправьте её на все четыре стороны, как она желала, - отзывается генерал. - Ты же об этом мечтала, ДОРОГАЯ?

Он выгнал меня сразу же после рождения сына, не дав коснуться моего малыша. Враг моей семьи – отец моего ребёнка. Я подчинилась воле матери, заключив договор, чтобы на свет появился тот, кто спасёт империю.

Судьба посмеялась, определив мне в истинные грубого дракона, что не знает манер, а лишь научен убивать. Только однажды я уже умерла в другом мире, чтобы возродиться в этом.

<https://litnet.com/shrt/bX2p>

Глава 4

За окном лютует непогода, в очаге уютно потрескивают дрова. Мой живот успокоился от вкусной похлёбки, а впереди разговоры, потому что и у меня, и у мужчин много вопросов.

Рассказываю, как оказалась в лесу одна ночью, снова благодарю, что не оставили замерзать в сугробе, а на вопрос, «что буду делать дальше», лишь пожимаю плечами.

- Назад нельзя. Теперь, когда муж открыто пожелал моей смерти, лучше где-нибудь, но не в Морнхольде, хоть я там и прожила последние два года.

Я могла быть счастлива в своей империи, но судьба распорядилась иначе. Мать и отец любили друг друга и растили нас сестрой в этой любви. Жили мы на окраине столицы. Отец – шил одежду, мать врачевала. Когда мне было пятнадцать – погиб брат. Мы все горько переживали эти утраты. А в мои семнадцать мама снова забеременела, и это было счастьем. Только во время родов, где присутствовала я и две повитухи, было много крови. Я пыталась спасти мать, но время нещадно уходило. Она молила меня дать больше сил младенцу, что сам еле дышал, а я разрывалась между ними. И тогда мать отдала своё последнее дыхание ребёнку.

Повитуха утаскивала меня, говорила, что так бывает, а я кричала и стремилась к матери. Потом, когда время было

упущено, меня всё же пустили. Но что бы я не делала, ничего было уже не изменить.

А потом стало ещё хуже.

Кто-то разнёс новость, что я воскресила мать. Якобы видели, как я занималась тёмной магией на кладбище, и она выбралась из могилы. Прибыли солдаты, раскопали место. Тела не было. Но я точно знала, что причина не в моей семье, и ей не просто захотелось выбраться и уйти. Она бы никогда не оставила нас. Кто-то нарочно потревожил её покой.

Сердце отца не вынесло этого, и её могила стала его последним пристанищем. Меня схватили и увезли к императору. Вернее, к послу по международным отношениям, у которого на меня были особые виды. Именно там и была заключена сделка с Юмасом Торвеллом, который забрал меня на чужбину, чтобы попытаться излечить старшего никчёмного сына.

Я не знаю, что делала моя пятнадцатилетняя сестра, оставшись с младенцем на руках. Надеюсь, соседи позаботились о ней, потому что наша семья всегда была добра к ним.

Я никогда не забывала Омалию, но помочь ей была не в силах. Мне приходилось чуть ли не каждый день бороться за свою жизнь. И когда я думала, что всё успокоилось, что муж и его любовница, наконец, оставят меня в покое, явив миру наследника, всё стало ещё хуже.

Мальчик родился с аномалией на лице. В месте, где должен был быть носик – зияла дыра. Фриэлла обвинила во всём

меня, ссылаясь на то, что я ненавидела её и младенца, что именно я наслала чары во время беременности, желая им обоим смерти, хотя у меня даже в мыслях не было подобного. В моём мире дети не несут ответственности за родителей, они – невинные души, способные вырасти или на добре, или на зле, смотря в какую почву их посадить.

В тот день меня притащили в покои Фриэллы за волосы. Лаэрд был зол и пьян, его глаза бешено вращались. Она умела убедить его в чём угодно, и теперь удалось.

Он требовал, чтобы я исправила всё, чтобы я излечила их мальчика. Но магия не всесильна. Она может заживлять раны, облегчать боль, сращивать кости и делать ожоги более гладкими. Она может помочь тяжелобольному, уменьшить душевную муку, но не вырастить конечность или часть тела. Я смотрела на ребёнка, моё сердце сжималось от жалости, и я призывала Ашкая придумать хоть что-то для малыша. Не потому, что от меня этого требовали, а потому что было его невыносимо жаль.

Только не всегда есть выход.

После этого я оказалась на морозе, а мой муж пытался выместить на мне всю злобу, что накопилась в его душе. Фриэлла придумала мне казнь, а он был не Судьей, а исполнителем. А потом я оказалась здесь.

История пишется в рамках литмоба "Морозная любовь"

<https://litnet.com/shrt/4XKB>

Глава 5

Огонь в очаге потрескивал, слабо освещая помещение. Снаружи завывал ветер, бросая в ставни пригоршни снега. Север дышал тяжело, как зверь после погони, что не решил ещё, стоит ли нас отпустить.

Только сейчас осознаю, что на мне нет платья, а я в мужской рубахе чуть выше колена. Тут же румянец заливает щёки. Кто меня раздевал?

Да чего они там не видели, Мейя? – подбадривает Ашкой.
– *Главное – живая.*

У меня есть два варианта: страдать или забыть, что такое вообще случилось. В любом случае, смотрят они на меня по-доброму.

Заворачиваюсь в грубое шерстяное одеяло. Лихорадка почти ушла, но слабость ещё цепляется за каждую кость.

- Это промежуточный пост, - объясняет Ирвик, подбрасывая полено в огонь. - Здесь мы ночуем, когда возвращаемся с промыслов. Бьём пушного зверя и добываем мясо, а потом отвозим на санях в основной лагерь, что в трёхстах лигах отсюда, за Ледяными Гарями. Там и бараки, и новый замок.

- Замок? - переспрашиваю. Слово отзывается внутри странным эхом.

Замок, как напоминание о том, что я потеряла и от чего

бежала.

- Да, - кивает Рох. - Ледяной Креп построили около двадцати лет назад, когда старый замок начал разрушаться. Раньше все жили в Серебряном Утёсе - сердце Севера, родовом гнезде Хейваров. Но когда умер последний из рода, защитные печати замка ослабли. Люди тогда думали, что это просто время. На Севере всё трескается, рассыпается, ломается.

Он вздыхает, проводя рукой по щеке, а глаза задумчиво смотрят на огонь.

- Кажется, даже зима стала злее. Но дело было в другом. Утёс потерял Хозяина. И магия ушла вместе с ним.

Слушаю внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

- Стены покрывались инеем даже летом, хоть оно тут и слишком короткое, печи тухли сами собой. Люди уходили: кто по приказу, кто от страха. Говорили, что по залам бродит его тень. Что замок плачет за тем, к кому был привязан.

Ежусь. Ветер, словно подслушав, ударяет в стены сильнее.

- После Великой трещины, - продолжает Валар, - когда обрушились часть башни и крыша, жить там стало невозможно. Тогда и решили построить новый замок - здесь, ближе к Ледяным гарям. Ближе к добыче. Серебряный Утёс размещён на скале, отличное место, с которого видна вся округа, но Креп более выгоден для работы.

- Что вы добываете?

- Ледяные сферы, - отвечает он. - Сгустки замёрзшей ма-

гии. Очень редкое и ценное сырьё. Его используют маги для создания бытовых и защитных артефактов, размещая в самой сердцевине вещи. А потом отправляем в столицу, где их уже используют.

Но добывать их смертельно опасно. Гари меняются каждый сезон. Лёд живой. Иногда кричит. Иногда рушится под ногами, будто хочет забрать тебя. Работа тяжёлая, вокруг холод и опасности. Есть умельцы, кто знает, как говорить со льдом, он их не трогает, наоборот, показывает места. Альта Тиэррис Хольц ценит таких, у них отдельные комнаты и привилегии. Их всего пятеро на триста человек.

- А сейчас и того меньше, нас не было две недели в Крепе, уверен, кто-то не вернулся, - добавляет Рох.

- Кто такая Эрдана Тиэррис? – задаю вопрос. Если она главная – мне надо понимать, как строить с ней взаимоотношения, потому что мой путь только вперёд.

- Вдова алта Хольца, который последние тридцать лет был главным надсмотрщиком Северных земель. Именно он разыскал первый кристалл, а затем предстал перед императором с предложением отправлять в земли ссыльных каторжников, которые могут послужить на благо своей империи. Конечно, помимо Севера есть ещё Каменные кары и Дымные кузни, куда отвозят преступивших закон.

- Ты забыл о Готтарде, мой друг, - подсказывает Ирвик.

- В Акрионе слишком много мест для провинившихся, и слишком мало возможностей в них выжить, - горько вздыха-

ет Валар. – Или тебя поглотит лёд, или хищное дерево захочет выпить соки, или ты сгинешь на рудниках, добывая металл. Не жизнь, а сказка.

И в его глазах было столько тоски, что моё сердце стянулось жалостью.

И теперь мне предстояло подружиться с Севером.

Глава 6

Я узнала, что альта Тиэррис - сильная, как буря, и холодная, как лёд под ногами. Она держит этот лагерь так, что стража короля боится сюда соваться. Её магия заключена не в стихиях или лекарском деле, она ломает людей в прямом смысле: невидимой рукой заставляет их подчиниться. Может, именно поэтому и прибыла сюда с супругом, у которого магические данные были незаурядные. Редкость для искры, который по обыкновению шьёт, прядёт или чинит. Он же сумел завоевать расположение другими качествами и упрочить своё положение женитьбой на сильной драконице.

- У неё была возможность уехать после смерти мужа, - говорит Ирвик, - но она предпочла тьму двора северным ветрам. Может слухи. А факт один: она держит власть над замком в долине Хейваров. Только она решает, кто будет жить, а кто - работать до смерти.

Холод пробегает по коже. Значит, теперь и моя судьба будет зависеть от женщины, которой я ещё не знаю? Потому что я на её территории.

- Она жестока? - спрашиваю осторожно.

Валар долго молчит, смотря в огонь.

- Она справедлива, и у неё есть свои любимцы. Но человек не выживет десятилетие в этих землях, если будет мягким, - будто оправдывают её мужчины.

Я медленно выдыхаю.

Ты решила отправиться с ними?— спрашивает Ашкай, который всё это время молчал.

«Разве у меня есть выбор?»

Он есть всегда, Мейя.

«Тогда расскажи, о каких перспективах идёт речь, потому что я не вижу ни одного радужного пути. Или ты желаешь, чтобы я вернулась к Лаэрду и поговорила с ним по душам?

Нет.

«Тогда что же?»

Идти через земли твоего мужа очень опасно. Но и есть и другой путь — в столицу, минуя Морнхольд.

«И чем же мне предлагаешь знаться в Варругне? Меня там никто не ждёт, а как только Торвелл узнает, где я, приедет и заберёт силой».

Ты можешь просить милости у императора, стать личным врачом её величества. У тебя редчайший дар, Мейя, его нельзя прятать от людей. Впереди признание и свободная жизнь в сытости и тепле, а не льды и холод Севера. Одумайся, ты слишком молода и неопытна, послушай Ашкай. Как только ты покажешь императрице на что способна, она возьмёт тебя под крыло и никогда не отдаст тем, кто желает тебя убить. Она поможет разорвать связь между тобой и Лаэрдом, а через несколько лет подарит свой дом, если будешь преданна ей. Ты можешь удачно выйти замуж, и на сей раз за того, кого пожелаешь!

Ашкой расписывал красивую жизнь, и на мгновение мне показалось это хорошей идеей. Но что если он обманывается?

- Мейя, - трясёт меня за плечо Валар, и я поворачиваю к нему голову, сосредотачиваясь на мужчине.

- Ты не реагировала, когда мы тебя звали. Что с тобой?

Иногда я настолько поглощена разговорами с Ашкаем, что реальный мир перестаёт существовать.

- Задумалась, простите, - не намерена объяснять им, что и как.

- Завтра нам нужно отправляться обратно, - говорит Ирвик. – Путь неблизкий и тяжёлый, тебе же придётся решить, что делать дальше.

- Идти с нами или возвращаться назад, - согласно кивает Валар. – Даже оставь мы тебе часть провианта, его надолго не хватит. Ледяной креп нуждается в провизии, а мы отправляемся на рассвете. Теперь же следует отдохнуть.

- Подумай до утра, - предлагает Рох. – Отсюда тебя никто не станет гнать, но вернёмся мы лишь через пару месяцев. Тебе не выжить, не зная охотничьего дела.

- Здесь живут те, кому некуда вернуться, - заканчивает разговор Валар. – Кто потерял дом, честь, имя или свободу. Но ты не ссыльная, значит, Север сам выбрал тебя.

- Или она выбрала Север, - дополняет Рох.

Они оба не правы, потому что я не выбирала направление, я выбирала жизнь.

До моих ушей доносится скрип снега, и я замираю, испуганная ночным гостем. Животное или человек? Пара мгновений, и дверь начинает открываться.

Глава 7

После того, как дверь дёрнулась, - первая мысль: Лаэрд нашёл меня. И от этого бросает в жар.

Смотрю широко распахнутыми глазами на выход, желая, чтобы мои новые знакомые меня защитили.

Валар тут же хватает топор, Рох кочергу, а Ирвик метлу. Кажется, и они не ждали гостей. Приготовились защищаться, а девочка даже не слышит, что происходит. Спит себе, свернувшись калачом на одном из топчанов, покрытая покрывалом.

Порыв ледяного воздуха, ветер швыряет в избу горсть снега, а вместе с тем мужчину, одежда которого заиндевелла.

Не сразу осознаю, что это не мой муж, а когда Валар опускает топор, приходит понимание, что они знакомы.

Незнакомец опускает на пол матерчатый тюк и издаёт рык.

На вид пришедшему лет пятьдесят пять, может, больше. Высокий, жилистый, сутулый, словно годы и холод навсегда пригнули его к земле. Лицо угрюмое, изборождённое морщинами, будто высеченными ножом. Кустистые, почти сросшиеся брови нависают над глазами, делая взгляд тяжёлым и неприятно пристальным. Борода чёрная, неровная, в ней запутались льдинки. От него тянет холодом, кровью и дымом - запахом охоты.

Валар резко выпрямляется.

- Ты? - в его голосе слышится неподдельное удивление.

Рох тоже подаётся вперёд, нахмурившись.

- Эрвейн, — произносит он имя с осторожностью. - Ты один? — в голосе недоумение. — Где остальные?

Это дракон, Мейя, опасный и сильный. Будь с ним осторожна, - просит меня Ашкой, но я и без него чувствую угрозу от гостя. По всей видимости, он — воин. Ссылный или прибыл сам по себе, но на фоне остальных резко выделяется статью и выправкой. Только что казался сутулым, а теперь распрямился, насколько позволил невысокий потолок, и стал выше других почти на голову.

- Их больше нет, - доносится до меня грубый мужской голос, и реплика больше похожа на бурчание, будто его обладатель намеренно желает казаться нелюдимым. Он закрывает плотно дверь, набрасывая крючок, который, отчего-то бы не накинут, отряхивает снег с плеч. Его движения неторопливы, уверены: так ведут себя те, кто привык, что им уступают дорогу.

Он просто смотрит, а Ирвик приносит ему табурет, и как только Эрвейн садится, то принимается снимать высокие меховые сапоги.

Вспоминаю свою обувь, она не годится для такой погоды. Красива, но лишь для того, чтобы ходить рядом с замком и иметь возможность в любой момент согреться у камина. Здесь же мороз сильный, и мне придётся где-то раздобыть

вещи.

- Что значит их нет? – спрашивает Валар, всё ещё держа топор в руках.

- Погибли. Все до одного.

Повисает молчание, а мужчина только сейчас замечает меня и смотрит, не отводя взгляда.

- Кто это? – спрашивает грозно, кивая в мою сторону.

- Девушка, - тут же отзывается Валар.

Эрвейн медленно поворачивает голову к нему, и его длинные волосы подрагивают в ответ.

- Я вижу, что это не мужчина, умник. Откуда она?

- Сперва вопросы станем задавать мы, - подаёт голос Рох.

– Как погиб твой отряд, если каждый из них давно ходил на охоту в восточные земли?

- Хочешь сказать, что я убил их? – фыркает он в ответ.

Несмотря на то, что Эрвейн сидит, а остальные стоят, кажется, словно он куда главнее моих знакомых.

- Восточные пастбища в семидесяти лигах отсюда, и мы договорились бить зверя на своих территориях. Ледяному Крепу нужно мясо, и ты это знаешь.

- И мы делали свою работу, - черноволосый снова бросает на меня грозный взгляд, словно пытается так понять, кто я есть. – Но черед трагических случайностей не оставили им шансов. Я не обязан отчитываться перед вами, лишь перед Хозяйкой Севера.

- Если ты пришёл сюда, значит, должен! – настаивает Ва-

лар, и я вижу, как сжимается большая ладонь мужчины, будто он пытается подавить в себе гнев.

Эрвейн медленно поднимает взгляд на Валара.

- Хочешь знать, как они погибли? - спрашивает он глухо.
— Тогда сперва ответь мне про девчонку у огня.

Он снова смотрит в мою сторону. В его глазах нет ни раскаяния, ни страха, лишь усталость и что-то тёмное, осевшее на дне зрачков.

Глава 8

Я спасла Валару жизнь, он оплатил мне тем же. Теперь уже он вгоняет меня в долг, потому что не торопится рассказывать от начала до конца, что со мной произошло.

- Это лекарка, - представляет меня не как жену одного из высокопоставленных драконов Акриона, а как врача.

- И что же она делает в Северных землях? – не уводит взгляда Эрвейн. – Пришла с тобой повидаться?

- Прибыла лечить ссыльных, - вступаю в разговор. Теперь, когда на меня так пристально смотрят, нужно говорить уверенно, чтобы у него не закралось подозрений. Кто знает, что захочет сделать нелюдимый дракон, узнай, что собственного Верховного Судьи сбежала. Не удивлюсь, если тут же вернёт обратно.

Жены Акриона страдают от недостатка прав, которые у них однажды забрали. Порой они просто вещь своего мужа, такая же, как часы или трость: любимая или нет. Конечно, есть такие, как Тиэррис, что держат в кулаке подданных, но зачастую жёны кроткие и ранимые, женственные и любящие, готовые на самопожертвование.

Когда я впервые увидела своего мужа, пришла в ужас. Он казался мне безумным, потому что смотрел со смесью ненависти и сумасшествия. Уже потом, когда я всячески пыталась разбудить его дракона, он стал немного мне доверять,

потому что почти каждый сеанс заканчивался тем, что он засыпал.

Лаэрд, мучившийся бессонницей и головными болями, излечился, и причина была проста – жена эфа.

Он даже подарил мне несколько платьев в знак благодарности и пару украшений. Но не желал воспринимать как женщину, всё время мечтая о другой. А я надеялась, что однажды ему надоест первая жена и он отпустит меня по-хорошему, потому что я сделала для его семьи достаточно.

Так мы прожили год, а потом Фриэлла овдовела и поселилась в нашем доме. Вот тогда я познала гнев своего супруга, который обращался на меня всякий раз, когда его любовнице что-то не нравилось.

Она упивалась властью. Строила прислугу, наговаривала на меня. Она плакалась Лаэрду за закрытой дверью, чтобы потом наблюдать, как он наказывает невинных, а на губах аальты Мёртинс играла зловещая улыбка.

Я находила общий язык со всеми: и людьми, и животными.

Фриэлла и её кошки были для меня за гранью понимания. Леопарды будто транслировали её чувства, то и дело недовольно порыкивая и облизываясь, когда смотрели на беззащитных слуг.

Был момент, когда они напали на бедную горничную. Девушке изуродовали лицо и руку, прежде чем хищников удалось отогнать. Фриэлла говорила, что служанка сама спрово-

воцировала животных, потому получила по заслугам, а я несколько месяцев лечила шрамы бедной девочки, стараясь вернуть былую красоту. Конечно, мне удалось сделать лучше, но до прежнего лица было далеко. С тех пор она постоянно оглядывалась и впадала в ступор, дрожа, как осиновый лист, если слышала рык зверей.

Когда однажды за столом улыбающийся Лаэрд объявил мне и своему брату, что его любовница в положении, я, грешным делом, подумала, что она, наконец, успокоится и остепенится. Перестанет доставать меня и остальных, но такое чувство, что Фриэлла стала ещё хуже.

Ей казалось, что каждый в доме пытается навредить беременности. Что в кубках отравленная вода, а суп смердит.

Они выписали из Варругена лекаря, который поселился в замке, а Лаэрд разрывался между службой и домом, постоянно курсируя туда-обратно. Бывало, что оставался в столице на несколько недель, когда было много дел, в остальное время не отходил от своей пассии, а я старалась быть как можно незаметнее при них.

Несколько раз Кирен пытался убедить брата отпустить меня. Уговаривал, что это будет разумно, что как только Лаэрд даст мне развод, он сможет взять в жёны Фриэллу. Но я была слишком важна для них, как эфа. Не личность, а вещь, от которой не торопятся избавляться.

А когда родился мальчик, лекаря высекли. Помню, как Лаэрд вытащил старика в одном исподнем на улицу и бил

кнутом, пытаясь выместить на нём свою злобу. И снова я заживляла раны, пока старик стонал в своей маленькой комнате, желая убраться отсюда, как можно быстрее.

А потом они потребовали, чтобы я всё исправила.

Только никто бы не помог этого младенцу из лекарей. Жаль, что ни мой муж, ни его любовница этого не осознавали.

Глава 9

- А теперь твоя очередь говорить! – несмотря на то, что Валар командир их небольшого отряда, понимаю, что угрюмый, как успела я окрестить его, имеет куда больше значимости в Крепе.

Эрвейн наклоняется вперёд, упирая локти в колени, и начинает рассказывать.

- Мы выследили стадо мараков, решили, что удача на нашей стороне. Эфорт пошёл первым. Лёд казался крепким, толстым. Я шёл последним и видел, как он ступил: уверенно, без сомнений. А потом лёд под ним пропел. Надеюсь, тебе не надо рассказывать, что это значит? – повышает он голос, и в нём пренебрежение, от которого не скрыться. Девочка приподнимает голову, медленно моргая. Пытается понять: сон это или явь, потом снова ложится на кровать и засыпает.

Угрюмый делает короткий жест рукой, словно что-то разламывает.

- Треск - и вода. Чёрная, живая. Он даже крикнуть не успел. Просто ушёл под лёд. Мы легли, ползли к нему, пытались достать ремнём, копьём, - Эрвейн на мгновение замолкает. - Холод съел его за считанные вдохи.

В помещении становится тише, будто даже огонь в очаге притих.

- Хоран сорвался позже, - продолжает он. - Разлом был

прикрыт снегом. Узкий, как пасть зверя. Он шёл следом за мной. Один шаг - и земля исчезла. Я слышал, как он ударился о камни внизу. Потом - ничего.

Рох медленно сжимает челюсть.

- А третий? - спрашивает Валар.

Эрвейн выпрямляется.

- Сигрод выжил бы, - говорит он резко. - Если бы не мороз. Он сломал ногу, когда мы пытались спуститься за Хораном. Я хотел вправить кость, разжечь огонь, укрыть его. Но ветер усилился, а до сторожки добраться не было возможности. Сани тоже слетели в разлом, а остальные остались в месте ночлега. Сигрод начал бредить, звал мать, смеялся. Заснул. А когда я понял, что дыхания больше нет, было уже поздно.

Вернулся к избе – все туши исчезли, сани сломаны. Следы крахтов повсюду. Надо снова устраивать на них охоту, Валар, - смотрит тому в глаза. -Идти пешком до Крепа – самоубийство, хотя бы потому что провизии совсем нет. И вот я прибыл сюда.

Он замолкает. Рассказ окончен.

- Что в мешке? – спрашивает Ирвик.

- Сапоги и шуба Сигрода. Ему было уже ни к чему. Я присыпал его снегом, земля слишком мёрзлая, чтобы можно было предать ей. И поставил ветку. В следующий рейд мы похороним его.

Резкая тишина режет слух. И каждый понимает, что в

условиях сурового Севера Эрвейн поступил правильно. Это не жестокость. Это законы выживания.

- Сколько дней ты сюда шёл? - тихо спрашивает Валар, а Рох наливает похлёбку в миску.

- Три, - коротко отвечает Эрвейн. - Почти без сна.

Для человека, который не шёл без отдыха – он выглядит слишком сильным. Для дракона такое куда проще. Он снова бросает взгляд на меня: тяжёлый, цепкий.

Мне хочется сжаться, стать меньше, исчезнуть.

«Почему он не обернулся во вторую ипостась?» - обращаюсь к Ашкаю.

Чувствую его мощь, но точно не знаю, -отзывается он. - Магия есть, но будто заперта. Как дверь без ключа.

Я слышала от Лаэрда, что некоторым осуждённым драконам накладывают запрет на обращение, потому что боятся, что они поднимут бунт в месте, куда их отправят. Конечно, как рабочая сила они были бы куда лучше, но таких, как Эрвейн, действительно стоит бояться.

Ему помогают раздеться, и на глаза сразу же попадает окровавленный рукав рубашки.

- Ты ранен? – спрашивает Валар.

- Пустяк, - дракон оголяет рукав, и перед нами довольно глубокая рана, почерневшая по краям, которую нужно обработать и стянуть края. Кровь давно запеклась, но кожа вокруг воспалена.

Он ловит мой взгляд.

- Чего уставилась? - хмыкает. - Боишься?

- Вот ещё, - фыркаю, поднимаясь с топчана. Поправляю рубашку, натягивая её, как можно ниже, скрывая колени. Его взгляд скользит по моему телу медленно, оценивающе.

- Точно лекарка? - усмехается он. - Или девка для моей постели? – растягивает улыбку.

Слова падают, как пощёчина. Замираю, раздумывая, что дальше.

Он намеренно тебя провоцирует, - подсказывает Ашкай.
– *Хочешь оценить твой характер.*

«Тресну его по роже – этого добивается?»

Перетерпи, Мейя, - советует змейка, - тебе придётся привыкнуть, если намереваешься жить среди ссыльных. Они и не такое скажут, прежде чем ты завоюешь их доверие.

В груди поднимается волна стыда, злости, боли. Пальцы сжимаются в кулаки.

- Точно воин? – складываю руки на груди. – Или шут?

Его глаза сужаются, а Ирвик тут же подаёт ему похлёбку, сбивая настрой ненависти. Будь воля Эрвейна, он бы испепелил меня взглядом.

- Он просто не привык говорить с девушками, - подаёт голос Валар. – Помоги ему, Мейя.

- Только потому что ты просишь, - делаю одолжение, подходя ближе.

Конечно, вид у меня непристойный, но не я себя одевала, а облачаться в платье при них, когда в избе нет ни одного

укромного места – удовольствие не из приятных.

Эрвейн поднимается с места и растёт. Вот уже на уровне моих глаз, а потом ещё выше, пока не качается на две головы надо мной.

- Сядь, - говорю спокойно и холодно. – И расслабься.

- Я привык расслабляться в постели, девка.

Сжимаю зубы, сдерживаясь, но он должен знать, что я не из тех, кто станет терпеть от него унижения.

- Если тебе важна твоя рука, то предлагаю заткнуться и дать её мне. Если хочешь оставить себе только правую – твой выбор. Совсем скоро без лечения левая станет настолько сильно гнить, что боль не даст тебе уснуть, а затем два пути: или её придётся отнять, или тебя не станет, потому что она заразит весь твой организм. Но ты можешь быть большим и страшным, рычать на меня с высоты, лишь бы казаться для всех непобедимым. Поверь, пока в битве за свою руку ты нещадно проигрываешь.

Он приподнимает бровь, но садится, нехотя вытягивая руку. В другой так и зажата миска с ложкой.

Ну что ж, пришла пора показать своё дело.

Глава 10

Первым делом убираю тарелку, передавая её обратно Ирвику.

От Эрвейна пахнет потом и морозом: запах человека, который живёт на грани выживания. Борода спутана и неопрятна, волосы доходят до плеч, и я ненароком вспоминаю Лаэрда, который очень щепетильно относился к себе. Волосок к волоску, личный парикмахер раз в две недели. Они с этим угрюмым и нелюдимым стариком по разные стороны жизни.

При ближайшем рассмотрении отчего-то не замечаю морщин вокруг глаз, характерных возрасту. Может, лёд и холод его так хорошо сохранили, но сейчас не об этом.

Рука напряжена, пальцы сжаты, будто Эрвейн ждёт удара, а не помощи.

- Не дёргайся, - предупреждаю тихо, касаясь кожи. Горячая. Слишком горячая для такого холода - верный признак начинающегося гниения. Под пальцами чувствуется плотная, болезненная пульсация.

Эрвейн шумно втягивает воздух и сжимает зубы, но молчит.

Вот и правильно, - отзывается Ашкой. - *Он слушает.*

Глубже вдыхаю, прогоняя дрожь из пальцев. Этот человек заставляет меня нервничать. Наверное, потому что я долж-

на не просто выполнять свою работу, а что-то ему доказывать. Потому что от него в том числе зависит моя дальнейшая судьба. Сейчас нельзя колебаться.

Сначала - самое простое. Прошу Валара закипятить воду, а Роха принести еловых веток. Пока Ирвик греет чайник, Валар подаёт мне соль и тряпку. Отрываю узкую полоску ткани от старой простыни, макаю её в подогретую воду с отваром хвои и соли, когда всё готово. Запах резкий, смолянистый, перебивает гниль.

- Будет больно, - предупреждаю заранее. – Но, если не выдержишь сейчас, потом будет хуже.

- Слышали? – усмехается он. – Она пытается меня запугать солью.

Хочется взять щепотку и щедро насыпать ему прямоком в рану, но я не стану этого делать. Хочется верить, что после того, как закончу, меня ждёт обычная благодарность.

Очищаю рану медленно, без резких движений, снимая засохшую кровь и грязь. Под тканью проступает живая плоть: воспалённая, багровая, местами потемневшая. Края неровные, словно их рвали зубами.

Эрвейн дёргается, когда я задеваю особенно чувствительное место, но тут же замирает, сжимая кулак так, что белеют костяшки.

- Дыши на семь, - говорю спокойно. - Не смотри.

- Что такое на семь?

- Считай на вдохе до семи, втягивая воздух, а потом на

выдохе так же.

- Для чего?

- Это помогает гасить боль.

- Чушь! – фыркает он, и я всё же добавляю ещё больше соли, потому что невероятно раздражает эта его уверенность. Через время осознаю, что его дыхание стало не таким частым. Кажется, кто-то всё же прислушался ко мне.

Когда рана очищена, я прикладываю ладонь поверх, не касаясь кожи напрямую, оставляя между нами около полутора сантиметров, и закрываю глаза.

Сила поднимается медленно, как тёплый источник под льдом. Ашкой помогает удерживать поток, не давая ему вырваться и сжечь ткани.

Осторожно, - шепчет он. - *Здесь много боли. Не рви.*

Я слушаюсь.

Дар стелется по руке Эрвейна тонкой пеленой, проникая вглубь. Я чувствую, как тело сопротивляется: не мне, а самой возможности исцеления. Словно он слишком привык терпеть, чтобы верить в помощь.

- Прекрати мне мешать, - тихо прошу. – Хотя бы на пару минут.

Он недоверчиво смотрит на меня, насупив брови, но взгляд уже не такой колкий.

- Я делаю это ради тебя, - напоминаю, и спустя пару мгновений ощущаю, как заслон ушёл, и моя сила стягивает его плоть.

Защиту умеют ставить единицы. Она создана, чтобы охранять человека от любого воздействия, будь оно плохим или хорошим. Мама рассказывала о таких драконах, но никогда прежде я не встречалась с ними. И вот передо мной Эрвейн, который точно владеет подобной силой.

Чёрные края раны начинают светлеть. Сначала едва заметно, затем всё быстрее, будто кто-то стирает следы гнили. Жар уходит, сменяясь ровным, живым теплом. Теперь главное не прекращать, иначе всё придётся начинать заново. И что-то мне подсказывает, что с Эрвейном просто не будет.

Я веду силу вдоль сухожилий осторожно, слой за слоем, возвращая им гибкость. Там, где плоть уже начала отмирать, дар жжёт сильнее, и Эрвейн резко выдыхает, но не отдёргивает руку.

- Терпи, - шепчу, а Валар подносит ему небольшую фляжку, в которой, по всей видимости, не чай, а драконий янтарь.

- Держи, - вручает, и Эрвейн тут же отпивает несколько глотков, возвращая посуду обратно.

- Кажется, это тебе приносит удовольствие, - не удерживается от колкости.

- Тебе кажется, - пытаюсь быть спокойной, а он, наоборот, ищет точку моего кипения.

- Когда ты закончишь, гафа? – интересуется грубиян, и я нарочно поворачиваю заживление вспять.

- Чтоб тебя, - он одёргивает руку, по которой течёт кровь.
– Что ты делаешь?

- Ты же назвал меня гафой, так чего хочешь? Я умею только наносить вред, - не выдерживаю, поднимаясь с места. — Прости, Валар, я всячески старалась, но не каждый достоин спасения. Пусть вы и выйдете все вместе в Ледяной Креп, но этот увалень, который не умеет говорить на человеческом языке, не доберётся до замка, потому что срок я ему даю в три дня. А теперь, если никто не возражает, мне бы хотелось отдохнуть, потому что проклятье, которое я навела на Эрвейна, отняло много сил.

Конечно, я лгу. Но уверена, теперь он хотя бы станет меня бояться.

Глава 11

Мать учила меня различать травы, готовить настойки и отвары, мази и крема, заживлять раны, искать очаги поражения. Но не причинению вреда кому бы то ни было.

- А если это наши враги, мама? – задавала я ей вопрос.

- И врагов мы должны лечить, Мейиораль, ибо цель любой эфы – спасение жизней. И нет в наших законах того, чья она должна быть.

Забираюсь на топчан, натягивая на себя одеяло. Замешательство Валара проходит, он не станет второй раз просить за Эрвейна, потому что уже просил. Каждый из присутствующих здесь осознаёт, что грубиян неправ. Все это понимают, кроме него.

- Что? – рычит он, поднимаясь с места. Кажется, тот факт, что я тронула рану, повлиял на болезненность. И по лицу Эрвейна видно, как он мучится.

- Тебе просто надо попросить прощения у лекаря, - говорит Рох.

- Ещё чего!

- Сладких снов всем, - говорю, отворачиваясь к Эрвейну спиной.

- Я бы на твоём месте..., - решает поучить его один из мужчин.

- Ты не на моём месте, Рох, так что заткнись!

- Я требую уважения к каждому из нас, Эрвейн. И пусть ты солнцерждённый, а мы всего лишь альты без магии, - слышится голос Валара, - это не даёт тебе права так себя вести. Здесь мы равны, и ты прекрасно это понимаешь. Выступаем завтра, пора спать.

Мужчины забираются на топчаны, кто-то расстилает тюфяк, а я всё жду просьбы о помощи. Но этот упрямец молчит, пока, наконец, когда уже погашен свет, говорит.

- Тарн с тобой, лечи давай.

Молчу, делая вид, что сплю.

- Лекарка!

- Нет.

- Что значит нет?

- Ты не умеешь просить.

Он рычит, но я ощущаю, что нужна ему.

- Пожалуйста, - еле выдавливаю из себя, и я хитро улыбаюсь сама себе, а рядом слышны смешки остальных.

Ну что ж, хоть какие-то рычаги давления есть на этого нелюдима.

Снова зажигается световой шар, и я около Эрвейна. Закрываю глаза, собирая силу. Не всю, осторожно. Если влить слишком много, тело не выдержит. Эфов учили не торопиться: рана - не враг, а просьба о помощи.

Дар просыпается медленно тёплым, жгучим током. Он стекает по рукам, концентрируется в ладонях, и я веду его вдоль раны, как швея ведёт нить. Не рву, не заставляю, убеж-

даю плоть вспомнить себя цельной.

Эрвейн резко выдыхает.

- Чувствуешь холод? – задаю вопрос.

- Да.

- Это хорошо, - отвечаю, не открывая глаз. - Значит, болезнь уходит.

Остаётся лишь тонкий, розоватый след - будто память о боли, а не сама боль. Отнимаю руку только тогда, когда чувствую: дальше нельзя. Магия не любит жадности.

Отступаю на шаг, чувствуя слабость в коленях. Порой лечение отнимает много сил, если брать на себя часть болезни, что я сделала и теперь, потому что иначе ничего бы не вышло. Я перетасила столько, чтобы завтра уже быть в состоянии идти дальше, а теперь нужно отдыхать.

Эрвейн медленно разжимает пальцы, затем снова сжимает кулак. Без гримасы, без рывка, проверяет, насколько хорошо слушается его кисть. Поднимает на меня взгляд - внимательный, тяжёлый, но уже иной.

- Ты странная, - произносит он наконец, пока я устало размещаюсь на топчане.

- Это комплимент? — выдыхаю, пытаюсь усмехнуться.

- Для Севера - да.

И я понимаю: с этого мгновения я для них уже не просто беглянка.

Эрвейн не говорит больше ни слова. Поднимается, как будто усталость навалилась разом, и молча направляется к

очагу. Падает на соломенный тюфяк прямо у огня, не снимая с себя ничего. Свет гаснет. Проходит всего несколько мгновений, и по избе разносится низкий, уверенный храп. Такой, будто сам Север дышит через его грудь.

Зря ты его спасала, - недовольно шипит Ашкой. - *Теперь он не даст тебе уснуть.*

Остальные, кажется, давно привыкли не замечать подобных мелочей. А я морщусь. Сон у меня всегда был чутким, ещё с тех времён, когда любое шуршание могло означать беду. А здесь каждый выдох Эрвейна будто бьёт прямо по вискам.

Сначала пытаюсь терпеть. Закрываю глаза, считаю вдохи, укрываюсь одеялом с головой, закрываю уши руками. Бесполезно. Храп то затихает, то вновь накатывает волной: гулкий, тяжёлый, невыносимый, раздражающий до последней клетки.

Проходит, кажется, вечность. На самом деле - всего около полчаса. Я сдаюсь.

Ты ведь умеешь, - напоминает Ашкой. - *Мать учила.*

Да, есть способ. Без боли, без вреда. Лёгкое воздействие на дыхательный центр: временно, аккуратно, ровно настолько, чтобы сон стал тише.

Аккуратно сползаю с топчана, стараясь не шуметь. До ушей доносится сап других. Подхожу к огню и склоняюсь над Эрвейном. Его лицо сейчас другое: расслабленное, почти спокойное. Грубые черты смягчены сном. На мгновение

мне даже кажется, что он выглядит моложе.

Поднимаю руку, удерживая её в нескольких сантиметрах над его лицом. Конечно, проще и быстрее через касание и внутреннее зрение проследить причину и выдернуть чёрный камень, что застревает у храпящих, а не делать это на расстоянии. Но не хочу его будить.

Сосредотачиваюсь. Дар откликается мягко, послушно, я начинаю видеть, но в этот момент рука Эрвейна резко подается вверх. Пальцы смыкаются на моём запястье крепко, без боли, но не вырваться. Я успеваю лишь коротко ахнуть, прежде чем он тянет меня на себя.

Мир переворачивается, и я падаю рядом с ним, на солому, чувствуя, как меня тут же прижимают к полу. Левая половина тела оказывается обращена к огню, жар нещадно жжёт сквозь ткань. Правая сторона прижата к его груди.

Он нависает надо мной тяжёлый, горячий, живой. Его дыхание сбивается, а волосы сползают, падая мне на лицо. Кажется, только сейчас он осознаёт, кто именно рядом с ним, потому на лице выражение: знал, что тебе нельзя доверять.

- Попалась, - глухо произносит он, выдыхая мне слова в лицо.

Я замираю, боясь даже вдохнуть.

- Ты что делала, лекарка? - спрашивает он тихо, почти лениво. - Решила добить меня во сне?

Жар огня, жар его тела, пульс, отдающийся под моей ладонью - всё сливается в одно.

- Ты храпел, - выдыхаю я как можно тише, чтобы не разбудить остальных. - На всю избу. Я лишь хотела убрать это.

Он фыркает коротко, почти весело, а потом отпускает мою руку, но не затем, чтобы я могла встать. Его ладонь сжимает мою грудь, а в глазах загорается пламя.

Глава 12

Лежу на полу, чувствуя, как закипает ненависть. Какая наглость вести себя с женщиной подобным образом! И я уверена, что не выгляжу, как та, что мечтает, чтобы её мял первый встречный.

- Может, ты пришла ко мне за чем-то другим? – чувствую на своей шее колючую бороду и поцелуй, а потому хватаю за запястье Эрвейна, вжимая в него большой палец.

- Ещё одно движение и я сломаю тебе эту руку так, что никакая магия не поможет, - шепчу, не повышая голоса. – А ещё удалю желание хотеть любую женщину.

Ну это я уже сочиняю, но для многих мужчин именно такая угроза – весомый аргумент.

Он замирает. Не сразу, на вдохе, на секунду позже, будто решает, стоит ли проверять, блефую ли. Потом вдруг смеётся. Тихо, глухо, грудью, и этот смех вибрацией проходит по мне.

- А ты не из робких. Угрожать можешь убедительно.

Его ладонь исчезает с моей груди, давление ослабевает. Он отстраняется, позволяя мне вывернуться и вскочить на ноги. Я отползаю на шаг, на два, сердце колотится так, что кажется - его услышит вся изба.

- В следующий раз, - говорит он уже ровно, - предупреждай.

- В следующий раз, - отвечаю я так же ровно, - не стану тебя лечить.

Он снова фыркает, но больше не тянется ко мне. Переворачивается на бок, словно всё произошедшее - лишь дурной сон.

- Что у вас происходит? - раздаётся хриплый голос Валара.

Он приподнимается я на локте, вижу его фигуру слева, но не различаю в такой темноте ни выражение лица, ни глаз, просто контур.

- Ничего, - отвечаю быстрее, чем успеваю подумать. - Я хотела уснуть, но ваш друг слишком сильно храпел.

Эрвейн молчит. И это редкая, почти пугающая милость.

Валар ещё несколько секунд смотрит, будто взвешивает, стоит ли копать глубже, но потом укладывается обратно.

- Спите. Выход на рассвете.

Бегом возвращаюсь к своему топчану. Ложусь, утыкаясь лицом в ткань, чувствуя, как горит кожа там, где он меня касался. Старый, мерзкий самодовольный тип.

Не такой уж и старый, - подаёт голос Ашкой. - *Но самодовольный, да.*

Сон приходит обрывками тревожный, неглубокий. Утро обрушивается безжалостно, словно я вовсе не спала.

Мороз вползает в избу раньше света. Я просыпаюсь от холода, от звона металла, от шагов. Мужчины собираются молча, привычно, будто это обычный выход, а не возвращение по ледяной пустыне в ссылную зону.

- Вот, - оставляет рядом со мной одежду Рох. – Тебе пригодится. Твоя не поможет там, куда мы идём. Не спасёт от холода. Здесь важна не красота – а то, что поможет выжить.

Осознаю, что это одежда погибшего, которую с него снял Эрвейн. Главное - не думать об этом, потому что по коже бегут мурашки от одной мысли.

Штаны велики, потому приходится подвязывать их верёвкой, шуба висит мешком. Сапоги и вовсе беда. Я наматываю на ноги всё, что нахожу: тряпки, обрывки ткани, старый платок. Ступни всё равно болтаются, но иначе нельзя. Тяжело переступать, но зато тепло, а это здесь самое главное. Чем дальше на север, тем выше градус, и оказавшись здесь, я чуть не обморозила конечности. Мои сапоги пришли в негодность и порвались, потому остаются в углу рядом с камином. Платье всё же заталкиваю в мешок, который мне выдают. Оно не такое тяжёлое, к тому же может пригодиться. А тащить испорченную обувь с собой – великая глупость.

Валар командует о готовности, оглядываем избу и выходим, подпирая её поленом. Впереди несколько дней перегона.

Глава 13

Север встречает нас молчанием: белым, хрустящим, бескрайним. Впервые вижу упряжь из скарнов, которые живут только здесь. С первого взгляда их можно принять за олень-переростков, но стоит присмотреться - и сходство рассыпается. Скарны ниже, массивнее, с короткими, мощными шеями и широкой грудной клеткой. Их ноги - толстые, жилистые, с раздвоенными копытами, покрытыми плотной, почти каменной роговицей, не скользят даже на голом льду. Кажется, они чувствуют трещины под снегом раньше, чем человек.

Шерсть у скарнов растёт слоями: нижний - густой, тёплый, почти войлочный, верхний - длинные жёсткие пряди, отливающие серым, бурым или синевато-чёрным. Снег на них не тает, а скатывается, будто по промасленной поверхности. Вдоль хребта тянется более тёмная полоса, а на боках у многих виднеются старые шрамы: память о волках, морозе и тяжёлых переходах.

Их рога странные: не ветвистые, как у оленей, а изломанные, многослойные, будто выросшие друг из друга. Некоторые напоминают короны, другие - крюки. На них часто вешали обереги, костяные кольца или полосы кожи, чтобы скарны не пугались злых духов севера.

Глаза - тёмные, умные, почти человеческие. В них нет па-

ники, лишь терпение и упрямство. Эти звери не знают бега, только размеренный, неостановимый шаг. Единственное исключение – страх, когда они ускоряются, завидев волка или крахтов.

Дышат они глубоко и редко, выпуская густые облака пара. Иногда из их пастей доносится низкий, вибрирующий звук: не рёв и не мычание, а что-то вроде горлового гула. Говорят, так скарны «согревают» себе грудь.

Они - часть Севера, его плоть и воля. И, возможно, именно поэтому Север ещё держится.

Скарны тянут сани, гружённые тушами, аккуратно уложенными, замёрзшими до каменной твёрдости. Мороз здесь - лучший хранитель.

Места на санях хватает только девочке. Её усаживают на шкуры, укрывают, и она сразу сворачивается клубком, пытаясь сохранить тепло. Остальные идут на лыжах. Эрвейн и об этом позаботился, и к одежде на мне добавился ещё один атрибут.

Там, где я выросла, снег был роскошью. Я видела его лишь несколько раз в годы, когда зима становилась на порядок холоднее. Он накрывал землю тонким слоем и быстро таял, а потому детские забавы, как катание на санках, коньках или игра в снежки – были нам неведомы.

Лыжи я видела в третий раз, а пользовалась и вовсе в первый, а потому постоянно отставала, сбивалась с темпа, наезжала ими друг на друга, падала и ругалась на кельнарском.

Пыталась догонять пешком, но сапоги были слишком велики, к тому же шаг и езда – несравнимы. И несмотря на то, что скарны передвигались не так быстро, разрыв между нами увеличивался с каждой минутой.

Может, мой план был лучше?– интересуется Ашкай.
– Ещё есть время вернуться и отправиться в Варруген. Несколько дней голода, воды вокруг полно – целое море снега. А там найдём кого-то.

- Нет, - рычу, в который раз ставя ноги ровно, и отталкиваюсь палками, как можно сильнее. – Или они меня, или я их.

Валар возвращается, чтобы мне помочь, и теперь едет рядом, а я решаю задать вопрос.

- Почему Эрвейн, при его возможности обращения, не войдёт во вторую ипостась и не перенесёт всех быстренько в Ледяной Креп?

- Ты и это чувствуешь? – он удивлён. – Ты - сильная лекарка.

- И всё же, мне любопытно.

Тот смотрит вперёд, долго молчит.

- Потому что ему запрещено, - наконец говорит он. – Старый магический запрет.

- За что?

Валар выдыхает.

- Он сжёт город.

Глава 14

Я спотыкаюсь, но не от известия, а из-за кривых ног. Валар успевает ухватить за воротник, удерживая на месте.

- Спалил город? – переспрашиваю, когда равновесие восстановлено.

- Не весь, - добавляет он сухо. - Но достаточно. Сперва по приказу, а потом - без него.

- Но почему?

- Не смог обуздать собственную злобу. С ним была беременная жена. Она погибла от руки врага, и он рассвирепел. Досталось всем, казалось, он не видит ничего за этой злобой, пелена закрыла ему глаза. А когда его остановили, многие дома выгорели вместе с жителями. Там были не только воины, но и женщины с детьми.

Чувствую, как внутри что-то сжимается.

- Его связали собственные солдаты и доставили на Великий Совет. Он отказался отрицать вину, - продолжает Валар. - Сказал: «Я сделал выбор. И сделал бы его снова». Лишь просил присутствовать на похоронах супруги и нерождённого малыша. Совет не казнил его, принял во внимание случившееся, но на службе империи не должно быть тех, кто не контролирует свои эмоции. Его лишили второй сути и сослали в Северные земли. Дракон внутри него заперт навсегда, Совет не церемонился, прижигая магию. Я не слышал,

чтобы у этого был обратный эффект. По крайней мере тем, кого потом возвращали в столицу, ничем не могли помочь. И солнцержождённые навсегда лишались второй ипостаси.

- Значит, теперь он не дракон?

- В прошлом. От летающей змеи у него остался только гор и выносливость.

И умение ставить защиту, на которую я наткнулась вчера.

- Ровнее, ровнее, Мейя, - командует Валар, и я напрягаю ноги, чтобы лыжи шли параллельно. – У тебя неплохо получается, - усмехается он, но тут до ушей доносится.

- Крахты!

Крик рвёт морозный воздух, как нож ткань. Не сразу понимаю, откуда опасность, звук будто идёт сразу со всех сторон. Не вой, не рык. Хриплый, переливчатый клёкот, похожий на треск льда весной, когда он ломается под натиском воды.

Мужчины реагируют мгновенно.

- К саням! - рывкает Валар, первым устремляясь на помощь. Как бы я не хотела поспевать, это невозможно, и он ругается, возвращаясь ко мне, и буквально тащит за собой, потому что на одиночек они нападают только так.

Крахты сходятся полукольцом, закрывая гружёные тушами повозки, будто это не мясо, а живые дети. Только воинов слишком мало против стаи хищников. Рох выставляет копьё, Ирвик – арбалет, вспыхивающий тусклым синим светом. Явно внутри артефакт, но старый, потому что с новым

аура была бы куда ярче. Но хотя бы такой, ведь Север не прощает ошибок. Эрвейн вытаскивает двуручный меч, вставая в стойку, и я снова жалею, что его магия заблокирована.

Успеваю заметить движение слева.

Крахты вырываются из снежной дымки, словно сами сотканы из метели.

Они выше волков, но легче на вид. Тела длинные, гибкие, покрытые короткой, жёсткой шерстью цвета пепла и инея. Морды узкие, вытянутые, пасти раскрываются слишком широко, показывая несколько рядов тонких, загнутых внутрь зубов. Глаза - мутно-голубые, без зрачков, будто замёрзшие лужи. А главное - лапы. Длинные, с перепонками между пальцами и крючковатыми когтями, которые легко цепляются за лёд.

Они не бросаются сломя голову, а работают командой.

Рассредотачиваются, окружая сани, что на каждого из мужчин их по четыре. Скарны пугливо дышат и фыркают, хрипят горлом, но девочка умело удерживает четыре повозки. Теперь я понимаю, для чего она с воинами.

- Они за мясом! - кричит Рох. - Не за нами!

Поздно.

Один из крахтов прыгает, вцепляясь зубами в край туши марака. Другой помогает, рвёт ремни. Сани дёргаются, скрипят, но звери сильнее, чем кажутся.

Вспыхивает артефакт - ослепительная дуга синего света. Один из крахтов визжит, падая, судорожно дёргая лапами.

Второго пронзают копьём, и он уходит в снег, заливая его тёмной, почти чёрной кровью.

Но ещё двое уже тащат добычу.

- Пусть уходят! – кричит Валар. - Главное - люди!

Эрвейн будто не слышит его, бросается следом, и рубит мечом белоснежные тела. Рох отвлекается, и тут же один из крахтов прыжком достаёт до его бока, вцепляясь острозубой пастью, и приземлившись, валит того на землю.

Ирвик прицеливается, выпуская стрелу. Та попадает в цель, но его сбивает с ног ещё один крахт из стаи. Валар бросается на выручку.

- Stereги сани, - приказывает на ходу. И в этот момент слышу крик: тонкий, детский.

Винола!

Один из крахтов, самый мелкий и быстрый, обогнул строй и вцепился зубами в её накидку. Девочку дёргает назад, она падает на спину, мелкому помогает второй, и ребёнка волокут по снегу с невероятной скоростью, стараясь утащить, как можно дальше.

«Ашкой, приготовься!»

К ногам привязаны лыжи, отматывать их долго, и я сбрасываю сапоги и бегу по снегу в импровизированных носках. Прыгаю, успеваю схватить Винолу за ногу, упираюсь всеми силами, чтобы затормозить, и тяну на себя. Движение замедляется. Оказываюсь рядом с её лицом и бью ладонью по морде крахта: не силой, а всплеском магии, резким, ослепляю-

щим. Зверь взвизгивает, отпускает ткань и отскакивает, мотая головой. Второй останавливается и смотрит, не сводя с меня светлых глаз.

Упираюсь ладонью в снег, ожидая следующего нападения, но Валар уже рядом. Его топор опускается коротко и точно на мелкого. Тело крахта дёргается и замирает. Второй отбегает на безопасное расстояние, продолжая следить за мной.

Всё заканчивается так же внезапно, как началось.

Два крахта утащили туши - серые тени растворяются в начинающейся метели. Остальные лежат неподвижно, их кровь дымится на морозе.

Тишина возвращается тяжёлая, звенящая.

- Все живы? - спрашивает Валар, пока я успокаиваю дрожащего ребёнка.

- Рох ранен! - отзывается Ирвик, и я понимаю, что рядом с ним слишком много крови.

Глава 15

Девочка держится за меня, потому что у неё шок.

- Как только я помогу Роху, вернусь к тебе, хорошо? – спрашиваю, но она, отправляется следом. Тряпки на моих ногах промокли, и мне приходится часть снять, чтобы вернуться обратно в сапоги, которые теперь трут.

Рох сидит на снегу, прижимая руку к боку. Кровь уже схватывается тёмной коркой, но рана глубокая: коготь прошёл вскользь, разорвав плоть.

- Не вставай, - говорю резко, опускаясь рядом. - Ирвик, держи его.

Тот подставляет плечо, а я раздвигаю одежду. Кожа вокруг раны багровая, горячая.

- Терпи, - прошу, но в голосе нет стали, больше мольба.

Дар идёт тяжело: холод мешает, тянет силы быстрее обычного. Я закрываю глаза, веду тепло внутрь, собирая края раны, как ещё вчера это делала с Эрвейном. Рох шипит сквозь зубы, но не кричит, а Валар подаёт ему драконьего янтаря.

- Готово почти, - перевязываю пострадавшего.

- Что-то крахты последнее время лютуют, - качает головой Валар. – Повезло, что тебя встретили.

- Или, наоборот, - подаёт голос Эрвейн, - он навлекла беду.

Он идёт проверить скарнов, а я проглатываю обиду.

У Ирвика задето плечо: неглубоко, но кровь проступила. Его я лечу быстро, на ходу, оставляя лишь слабый шрам.

- Он не дойдёт, - говорю Валару, указывая на Роха. - Нужно разместить на санях.

- Крахты постарались, теперь там есть место.

Роха укладывают поверх оставшихся туш. Он бледен, но дышит ровно. Смываю снегом кровь со своих рук, смотрю на серое небо, на следы и погибших хищников, которых уже замечает снег.

Север не спрашивает, готов ли ты. Он просто проверяет - выживешь или нет.

Чувствую взгляд раньше, чем поднимаю голову.

Эрвейн стоит поодаль, чуть в стороне от остальных, опершись на меч. Снег липнет к его сапогам, ветер треплет тёмные пряди, а взгляд - внимательный, тяжёлый, цепкий - не отрывается от меня. Не благодарный. Оценивающий. Будто он пытается решить, к какому разряду опасностей меня отнести.

- Хорошо сработала, - негромко говорит Валар, подходя ближе. - Без тебя Рох бы не дотянул.

Ирвик кивает, потирая перевязанное плечо.

- Если бы не ты, Винолу бы утащили, - добавляет он. - Спасибо, Мейя.

Рох, лёжа на санях, слабо приподнимает руку.

- Должен тебе жизнь, - хрипло усмехается.

Я киваю в ответ, чувствуя, как внутри разливается не гор-

дось, а пустота. Сил почти не осталось. Дар тянул слишком много, а холод теперь будто добрался до костей. Но места на саях нет. Там раненый и ребёнок, а потому делаю вид, что всё в порядке, и принимаюсь методично отталкиваться палками.

Сейчас девочка свернулась рядом с Рохом. Я почистила её голову, убрала часть страха. Да, эфы и такое умеют, главное, не убирать весь, иначе у человека не останется даже инстинкта самосохранения. Дабы человек жил, он должен бояться.

Когда солнце, сопровождавшее нас весь день, начинает клониться к горизонту, мы ускоряемся, а потом она исчезает резко, словно кто-то щёлкнул пальцами. Холод наваливается сразу и беспощадно. Тот, что пробирается под одежду, забирается под кожу, сжимает сердце.

Я иду ещё по инерции, а потом, стоит нам остановиться, начинаю дрожать так, что зубы стучат сами собой.

- Привал, - говорит Валар. - Дальше ночью не пойдём.

Я озираюсь, не понимая. Куда? Здесь же ничего нет. Ни деревьев, ни скал, ни дома, только снежные волны до самого горизонта. И начинаю уже жалеть, что не послушала Ашкая.

Ирвик исчезает первым, будто просто растворяется в сугробе. За ним Валар. Винола радостно вскрикивает и бежит следом.

- Я сейчас! - кричит мне, исчезая.

Моргаю, растерянная, потом оборачиваюсь к Роху, про-

веряю повязку, поправляю шкуру. Когда снова поднимаю взгляд, рядом остаётся только Эрвейн.

Волосы покрылись снегом, борода вся в ледышках. Он принимается распрягать скарнов молча, а я жду, когда появятся остальные.

- Насколько ты сильна? – внезапно задаёт мне вопрос.

- Не понимаю.

- Я видел, как ты умело затягиваешь серьёзные раны. Но можешь ли, к примеру, возродить человека?

Он сейчас интересуется с какой целью?

- Нет, я лекарь, а не некромант.

- Но в тебе сила, я чувствую её, - наши взгляды встречаются.

- Такая же, как у многих, - решаю не распространяться, а он усмехается, убирая подпругу.

- Ты можешь говорить такое Валару и остальным, но я-то чувствую тебя. Ты непростая. Только осталось понять: для чего идёшь в Ледяной Креп? – внезапно оказывается настолько близко, что у меня перехватывает дыхание, а его рука хватает меня за шубу. – Что ты задумала, лекарка?

Дракон заперт внутри, это видно. Ощущаю, как он мечется, как бьёт крыльями по рёбрам, но не в силах расправить их настолько, чтобы вырваться.

Он испытывает тебя, Мейя, - голос Ашкая.

Но я и без него осознаю это.

- Если ты что-то задумала, - звучит, как угроза.

- Интересуешься, не пришла ли по твою душу? – криво усмехаюсь. – Тогда для чего тащиться в эту глушь, если я могла убить тебя ещё вчера, грубиян, - отталкиваю его, делая шаг назад, и слышу за спиной скрип снега.

Валар и Ирвик вернулись, с ними Винора, которая утягивает меня за собой под снег, утрамбованный настолько, что в нём спокойно вырыли дом. Нконец, понимаю, почему мы остановились здесь, как и то, что Эрвейн теперь мне спуску не даст.

Глава 16

Под снегом оказывается не просто яма, а настоящий дом, вырезанный в плотном насте так умело, что сразу становится ясно: здесь останавливались не раз. Вход узкий, изогнутый, будто горло зверя, чтобы ветер не задувал. Ниже расширение и округлая камера с гладкими слежавшимися светлыми стенами, , словно выточенными из молочного камня. Потолок низкий, но не давит. Снег здесь не холодный, он держит тепло, как хорошая шкура.

Стоит мне спуститься, как сразу становится тише. Вой ветра остаётся где-то наверху. Снаружи буря может быть сколько угодно - сюда она не доберётся.

- Садись, - Валар указывает на место у стены, сам отправляется наружу вслед за Ирвиком.

На полу уже разложены шкуры: грубые, пахнущие зверем и дымом, но сухие.

- Мне тут нравится, - признаётся Винора, прижимаясь ко мне, и я обнимаю ребёнка, которому, по всей видимости, не хватает материнской ласки. Интересоваться у неё о родителях не стану, лучше потом расспрошу Валара.

Когда приносят Роха, укладывают осторожно. Под голову подсовывают свёрнутую одежду. Ирвик бледный, ему срочно следует отдохнуть. Почти все здесь, не хватает только нелюдима, как я прозвала мысленно Эрвейна.

Мужчины снова уходят, а я расстёгиваю верхнюю одежду раненого и снова отдаю ему часть своей жизненной силы, пока Ашкой не требует прекратить. Глаза Роха открываются и Винора бросается его обнимать.

- Тише, тише, - кричит он под её натиском, улыбаясь, а я приваливаюсь к стене чувствуя усталость ещё больше той, что была прежде. Срочно нужен сон.

Когда воины возвращаются с сумками, где лежит еда, Валар зажигает тёплый камень: мутно-янтарный артефакт, что не даёт пламени, но наполняет пространство мягким светом и слабым теплом. Достаточно, чтобы не мёрзли пальцы и не сводило челюсти. Но при таком количестве людей вскоре становится и вовсе жарко, что мы расстёгиваем шубы и снимаем сапоги.

Мне следует высушить обувь и намокшие тряпки, а потому размещаю их ближе к камню, надеясь, что за ночь всё получится. С грустью рассматриваю сбитые ноги и заживляю мозоли. Так намного лучше.

Едим молча, а я всё жду, когда появится Эрвейн. Не потому что он мне очень нравится, но после стольких часов на лютном холоде, после сражения с крахтами, неужели ему не хочется поесть и завалиться спать? Уже намереваюсь спросить, где он, когда нелюдим появляется сам, садится напротив и молчит.

Валар достаёт из мешка вяленое мясо: тёмное, жёсткое, с солёным привкусом. Ирвик делит лепёшки, ломая их рука-

ми. Есть ещё жир - белёсый, застывший, его кладут на язык, и он медленно тает, оставляя немного сладковатый сливочный вкус. Именно этот жир скарнов и даёт силу всем северянам.

Кто-то передаёт фляжку с горячим отваром: горьким, пахнущим корнем и дымом. Я делаю несколько глотков, и тепло растекается по груди, чуть ослабляя дрожь. Не всё так плохо.

Наверху ветер воеет сильнее. Надеюсь, у скарнов тоже есть какое-то укрытие. Не думаю, что их оставили под открытым небом на растерзание хищникам. Иногда кажется, будто кто-то скребётся по куполу, будто сам Север проверяет, хорошо ли мы спрятались.

Когда еда заканчивается, разговоров не возникает. Все слишком устали. В домике теплее от нашего дыхания, но есть и воздухоотвод, чтобы было чем дышать.

Я всё же должна проверить, как поживает рука Эрвейна.

- Покажи, - прошу его, не трогаясь с места. И он, задумавшись на пару мгновений, заголяет рукав, демонстрируя мне рану. Она выглядит куда лучше, чем вчера. Уверена, его драконья сущность тоже лечит.

- Хорошо, - озвучиваю вслух.

Мы укладываемся близко плечом к плечу - иначе нельзя. Рох между Валаром, что разместился у стены, и Ирвиком. Далее Винола, я и нелюдим. Можно было бы подумать, что именно он так пожелал, но Эрвейн самый искусный воин и должен хранить вход.

Он не закрывает глаза сразу. Чувствую его горячее настороженное присутствие кожей. Как зверь, который может спать, но не отпускает контроль.

Чужое дыхание рядом, тепло тел, слабый свет камня - всё это странно успокаивает. Здесь, под снегом, мы равны без титулов, без прошлого. Надеюсь, добравшись до Крепа, смогу заручиться поддержкой альти Хольц, иначе все мои страдания будут напрасны.

Ветер наверху воеет, как проклятый. А мы засыпаем, прижавшись друг к другу, потому что иначе на Севере не выживают.

Холод приходит внезапно, будто кто-то вытащил из-под меня тёплую шкуру и оставил голый камень. Просыпаюсь резко с судорожным вдохом, и первое, что чувствую, - пустоту рядом. Там, где ещё недавно было горячее, тяжёлое присутствие Эрвейна, теперь лишь стылый воздух.

Сон слетает мгновенно.

Не сразу понимаю, что именно не так: тёплый камень всё ещё тлеет, дыхание остальных ровное, Винола тихо сопит, уткнувшись мне в бок. Но левая сторона мёрзнет, будто к ней приложили лёд.

Он ушёл?

Медленно, стараясь не шуметь, приподнимаюсь на локте. В домике темно, но не кромешно. Янтарный камень отбрасывает слабые тени, и глаза привыкают к сумраку. Тогда я и различаю силуэт у входа.

Эрвейн стоит, согнувшись, почти вплотную к снежной стене. Широкие плечи напряжены, спина будто вырезана из камня. Он не смотрит наружу, только на меня, и его глаза горят золотом.

Не хочу тебя пугать, Мейя, - говорит Ашкай, - но я ощущаю опасность.

И в тот миг, когда Эрвейн слегка поворачивает руку, вижу, как лезвие ножа сверкает в его руке.

Глава 17

Сердце ухает вниз, ударяясь о рёбра.

Ему ничего не стоит лишить меня жизни при желании, ведь он убивал и раньше, и не всегда по приказу. Только вместо того, чтобы идти в мою сторону, Эрвейн внезапно исчезает, и я осознаю: он выбрался наружу.

Задерживаю дыхание, прислушиваясь. Кажется, ветер усилился. Он швыряет снег о купол, будто пробует тот на прочность. Домик отвечает глухими, редкими стонами, как живой.

Зачем нелюдиму нож?

Поднимаюсь окончательно, накидываю шубу, стараясь не разбудить остальных. Винола шевелится, бормочет что-то во сне, и я замираю, пережидая, пока дыхание ребёнка снова выравнивается. Потом осторожно подползаю ко входу, натянув сапоги.

Холод тут же вцепляется в лицо, напоминая, что мы на Севере. Несмотря на ночь, звёзды и снег создают хорошую видимость. Эрвейн стоит снаружи по колено в снегу. Ветер треплет его волосы, бросает в него ледяную пыль, но он не обращает на это внимания. Нож в его руке движется коротко и точно - не для угрозы и не для боя.

Он не рубит снег - режет его, точно зная, где можно, а где нельзя.

- Что ты делаешь? Задаю вопрос, и он даже не удивляется, что я выбралась на поверхность.

- Чищу вентиляционный канал, конечно же, - бурчит себе под нос. — Ты же хочешь проснуться на рассвете, лекарка?

Канал был старый, выверенный: узкий вертикальный ход, уходящий вверх под углом, чтобы тёплый воздух выходил, а ветер не задувал внутрь. Но за ночь дыхание людей, тепло камня и мороз наверху сделали своё дело - стенки канала покрылись ледяной коркой, стянулись, как сосуд, который начал зарастать.

Эрвейн осторожно вонзает нож в край канала и ведёт лезвие вниз, снимая первый слой льда тонкой стружкой. Она падает бесшумно, крошась у его сапог.

Эрвейн замирает, прислушивается.

Ещё раз - выше. Теперь под углом, чтобы не обрушить свод. Он не торопится: резкое движение - и снег просядет, закупорит ход окончательно.

Из канала доносится слабый, еле уловимый треск - лёд сдаётся. Эрвейн счищает наледь ладонью, стряхивает крошку в сторону. У него получилось.

Понимаю: если бы он не проснулся, мы бы не заметили ничего. Просто стало бы тяжело дышать, потом — сонно, потом — тихо, пока бы не задохнулись.

- На Севере не всегда убивает мороз, лекарка, — добавляет он. — Иногда убивает слишком хороший приют.

Эрвейн убирает нож, проводит ладонью по снежной стене,

проверяя плотность, и только после этого поворачивается ко мне.

- Спи, - говорит глухо. - Канал снова живой.

- Мейя, так меня зовут.

На это он ничего не замечает, а лишь дожидается, когда я вернусь обратно, а потом ложится рядом на своё место.

Опасность была, но исходила она не от Эрвейна, а от дома.

Утро приходит без солнца серым ровным светом, будто небо просто стало чуть прозрачнее. Дом больше не стонет: тёплый воздух уходит свободно, и внутри дышится легко.

Рох выглядит лучше. Цвет возвращается к лицу, губы больше не синие. Он садится сам, опираясь на локоть, и, когда я протягиваю ему хлеб и мясо, ест жадно и с удовольствием. Даже улыбается криво, как умеют только те, кто вчера был на краю.

- Значит, живём, - хрипло говорит он.

Мы выдвигаемся рано. Ветер стих, но холод стал злее - сухим, цепким. Снег под ногами плотный, наст держит, и идти легче, чем вчера. Эрвейн впереди, как всегда, будто чувствует путь телом, а не глазами. Я позади, за вчера научилась немного ездить на лыжах.

Через пару часов рельеф меняется. Белизна становится обманчивой: под ровной поверхностью появляются тени, линии, извилины. Я знаю, что здесь бывают разломы, но усталость притупляет внимание. Думаю о том, сколько осталось пути, о том, что хочется отдохнуть, и делаю шаг не туда.

Снег под ногой исчезает.

Всё происходит мгновенно и бесконечно долго одновременно. Наст ломается с сухим хрустом, тело проваливается вниз, в ледяную пустоту. Хрип вырывается из груди, пальцы судорожно хватают воздух. Я даже не успеваю закричать.

Рывок. Резкая боль в плече, будто сустав выдрали из тела, и удар - не вниз, а вбок. Меня разворачивает, прижимает к чужой груди. Его рука впивается в ворот шубы, в ткань, в меня саму.

- Не двигайся, - коротко, сквозь зубы.

Эрвейн.

Я вижу разлом теперь: узкую тёмную рашелину, как раскрытую голодную пасть монстра. Внизу только синеватый мрак. Ещё шаг - и меня бы не стало.

Эрвейн стоит на краю, упершись ногами в снег, тело напряжено до предела. Он держит меня одной рукой, а потом отталкивает подальше.

- Смотри под ноги, лекарка, - бросает сухо.

- Спасибо, - бурчу, пытаюсь скрыть страх.

Колени подгибаются, и я сажусь прямо в снег, не в силах удержаться. Сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет. Эрвейн смотрит сверху вниз, хмуро, будто сердится не на меня даже, а на саму ситуацию.

Он снова уходит вперёд, будто ничего не произошло. А я остаюсь сидеть ещё секунду, глядя на разлом, пока меня подбадривает Валар, и понимаю: второй раз за двое суток

Эрвейн спас мне жизнь. И оба раза молча, без просьб и обещаний.

На Севере, кажется, так и выживают.

Глава 18

Ледяной Креп мы видим издалека сначала как тень на горизонте, затем как силуэт, вырастающий из камня и льда. Он не возвышается вызывающе, не тянется к небу, как столичные замки, а сидит в земле, будто врос в неё тяжёлыми, приземистыми ногами. Стены, некогда тёмные, поставленные из черноголовника, теперь почти повсеместно покрыты наледью и снегом, иней серебрит башни, короткие и толстые, словно кулаки, выставленные навстречу ветру. Их тут около десяти на вскидку, сейчас рассмотреть не удастся наверняка. Но те, что на южной части, – подсвечены огненными шарами, как маяки, дабы Креп был виден издалека.

Несколько окон уже горят тёплым светом. Жёлтые пятна на серо-синем фоне вечера кажутся почти невозможными, как доказательство того, что здесь вообще можно жить. Доносится гул голосов, бряцание металла, ржание скарнов. Креп не спит, хотя время уже позднее, а я ощущаю себя невероятно замёрзшей. Лицо настолько онемело, что жалею, что у меня нет такой же бороды, как у мужчин.

- Дошли, - говорит Валар, и в его голосе впервые за всё время слышится облегчение.

Подъёмный путь узкий, извилистый. Нас замечают ещё на подходе, сверху окликают. Световые шары, притороченные к палкам на манер факелов, шевелятся, силуэты на стенах

приходят в движение.

- Кто идёт? - раздаётся хриплый голос.

Валар называет себя, отряд, цель. Следует короткая пауза. А затем добавляет.

- Север помнит.

- И берёт своё, - добавляет Ирвик довольно громко, а я ку-таюсь в чужую шубу, вспоминая, что уже при мне Север забрал несколько человек. А если бродить постоянно туда-сюда, то велика вероятность, что до старости не доживёт никто, кто сейчас был со мной в отряде.

Ворота открываются не сразу, нижняя часть успела соединиться со льдом, и мы терпеливо ждём, когда выбегут женщины с горячими чайниками, чтобы растопить несколько сантиметров слоя и впустить нас внутрь. Наконец, массивная дверь поддаётся, и мы оказываемся на территории замка. Тут же мужчины принимаются за дело, хватая туши с саней, чтобы отнести в специальное место, распрягают скарнов, перекрикиваются. Роха аккуратно снимают, унося в замок, Винора радуется встрече с подругами, а в мою сторону никто даже не смотрит.

Под слоями меха и грязи я для них – никто, точнее, меня принимают за одного из группы Эрвейна.

Делаю ещё шаг, когда в меня врзается женщина. Резко, всем телом, будто не видит преграды. Тонкие пальцы вцепляются в мою шубу, лицо утыкается в плечо.

- Зежар, - выдыхает она с таким облегчением, что сердце

сжимается, даже не замечая, что, если и одежда его, то я точно проигрываю мужчине в размерах. - Ты вернулся, Зежар, а я так боялась, что не успею сказать: у нас будет ребёнок.

Незнакомая женщина доверила мне тайну, в которую должны быть посвящены двое, и мне неловко стоять здесь в чужой одежде, со звоном чужого секрета в ушах. А женщина тем временем дрожит, как и я, но не от холода.

Не успеваю ничего сказать. Не успеваю даже вдохнуть, как рядом раздаётся голос Эрвейна: глухой, тяжёлый, но неожиданно мягкий.

- Это не он, Агара. Мне очень жаль, твой муж был храбрым до конца. Он погиб, но оставил возможность выжить другому человеку.

Он укладывает руку на её плечо, и женщина замирает. Медленно отстраняется, поднимает голову, чтобы разглядеть самозванца. Смотрит на меня и видит чужое лицо, чужие глаза, чужую жизнь.

- Кто это? – испуганно отшатывается, и глаза у неё такие огромные, что мне самой становится не по себе.

Она не кричит, не плачет, у неё шок. Боль разливается по её душе, я вижу это через глаза, и она силится понять, что произошло на самом деле.

- Это лекарка, - отвечает за меня Эрвейн. - Она была с нами в пути. Спасла двоих из отряда.

- Спасла? – пытается ухватиться за возможность.

- Не Зежара, - качает головой Эрвейн, и он совершенно

не похож на того угрюмого нелюдима, которым я видела его все эти дни. Он не груб, не напорист, а терпеливо стоит и объясняет этой женщине, лишившейся отца своего ребёнка, что она теперь вдова.

Колени у неё подгибаются, и, если бы Эрвейн не удержал её, она бы осела прямо на камни двора.

- Я отведу тебя в замок, - говорит заботливо. Они делают шаг, потом ещё один, и до моих ушей доносится. - Он прекрасно знал на что идёт, у каждого своя судьба, будь сильной.

Это не утешение. Это правда, сказанная так, как её умеют говорить только на Севере: без сахара, без обмана.

Остаюсь стоять, ожидая, когда меня позовут. Валар замечает, что я одна, и приказывает двигаться за ним.

- Сейчас нас покормят, а затем отправишься в комнату Тиэррис Хольц, если она ещё не отошла ко сну. Вряд ли, узнав, что на территории новый человек, она сможет проигнорировать этот факт.

- Мне стоит бояться? – спрашиваю негромко.

- Думаю, ты прибыла вовремя. Только что меня оповестили, что пять дней назад умер старый лекарь. Отправляться сюда, чтобы радеть за «проклятых», как часто нас называют в Варругне, желающих нет. Зачастую здесь именно ссыльные, а если таковых не находили, придумывали им провинность, - успевает рассказать мне Валар, пока входим, наконец, в тёплое место.

Холод, державший меня в пути, отпускает резко, как пло-

хо наложенная повязка. Зубы начинают стучать сами собой, губы немеют, лицо будто чужое, не чувствую ни щёк, ни носа. Пальцы плохо слушаются, когда пытаюсь ослабить завязки шубы.

- Ты в порядке? - спрашивает Валар.

- Нет, - отвечаю честно. - Но, кажется, здесь это не считается чем-то необычным.

Он коротко усмехается без веселья.

- Добро пожаловать в Ледяной Креп, Мейя.

А я чувствую на себе чей-то цепкий взгляд. Оборачиваюсь, натыкаясь взглядом на женщину. И пусть нас ещё не представили, я уверена: передо мной хозяйка крепости.

Глава 19

Тиэррис Хольц не подходит, она ждёт, пока подведут к ней. Стоит у стены в тени ламп, будто сама часть камня: высокая, прямая, в тёмном платье и накидке с меховым чёрным воротом. Лицо резкое, выточенное, как у хищной птицы, волосы убраны в тугую косу, лежащую на плече, ни одной лишней пряди или украшений. И глаза: холодные, внимательные, слишком живые. Такими смотрят не на человека, а на возможность.

Она не спешит. Даёт мне время почувствовать себя мелкой, неуместной, ещё более замёрзшей.

- Идём, - бросает Валар, словно разрубая напряжение, и выводит меня вперёд. А я разочарованно вздыхаю, потому что была намерена поесть и отдохнуть, а не знакомиться с той, кого все боятся. Мне предстоит ещё одно сражение.

Мы останавливаемся напротив. Ощущаю, как на нас смотрят со всех сторон: солдаты, женщины, несколько детей. Кажется, будто весь Креп собрался, чтобы разглядеть меня.

- Мы привели с собой лекарку, - говорит Валар ровно. - Она пришла с миром и желанием помочь.

Тиэррис приподнимает уголок губ. Не улыбка, намёк на неё.

- Это мы ещё посмотрим, - отвечает она. - Как тебя зовут?

- Мейя, - говорю, и голос звучит тише, чем хотелось бы.

Её взгляд становится острее.

- Полное имя.

Назовись детским именем и именем отца, - подсказывает Ашкой. - Так говорят те, кому нечего скрывать, и те, кому есть что защищать.

- Мейрина Заури, - отвечаю, глядя прямо.

- Никогда не слышала подобную фамилию, - подвергает она сомнению, сказанное мной.

- Я издавека.

Она не верит мне, вернее, присматривается, но больше не спрашивает на этот счёт, хотя бы сейчас.э

- Идём за мной, - решает она резко. Разворачивается, не дожидаясь согласия.

-Альта Тиэррис, мы с дороги, - пытается возразить Валар.

- Она устала, ей нужно поесть, согреться и...

- Я сказала - идём, - голос Хольц не повышается, но становится таким, что спорить с ним невозможно. Это голос человека, привыкшего, что его слушаются не потому, что боятся, а потому что знают цену неповиновению.

Делаю шаг следом, и только сейчас замечаю то, что всё это время было под её накидкой: существо размером с крупную кошку, но с телом, похожим на вытянутого горноста, покрытого короткой серебристо-чёрной шерстью. У него шесть лап: передние тонкие, с длинными пальцами, задние мощнее. Хвост раздваивается на конце, словно язык змеи. А глаза прозрачные, почти бесцветные, как лёд над глубокой во-

дой.

Он поднимает голову и смотрит на меня, не моргая.

«Ашкой, кто это?»

Фамильяр, конечно же.

«Но почему он такой странный?»

Потому что кармический. Считается, если в прошлых жизнях маг совершил злодеяние, повлекшее за собой смерти, в будущем ему даётся кармический фамильяр.

Странный зверь медленно поднимается, подходит ближе, обходит меня кругом. Его нос почти касается подола моей одежды, потом он вдруг замирает и тихо, почти неслышно щёлкает челюстями.

- Чует, - бросает Тиэррис через плечо. - Значит, не пустая.

Существо возвращается к ней, легко взбирается по меху, устраивается на плече, обвивая шею раздвоенным хвостом. Сидит, как украшение, но я знаю: это не украшение. Это сторож, судья, палач, если понадобится.

- Если ты лжёшь, - добавляет Хольц, не оборачиваясь, - он скажет мне первой.

Она идёт дальше по коридору, и мне ничего не остаётся, кроме как последовать за ней. Сердце колотится, лицо всё ещё немеет от холода, но теперь это уже не важно.

Я пришла в Ледяной Креп, и меня приняли не как гостью, а как загадку, которую собираются разобрать по частям.

Глава 20

Коридоры Ледяного Крепа узкие, вытянутые, как трещины во льду. Камень здесь тёмный, отполированный тысячами рук и лет, стены местами блестят, будто их не раз лизало пламя. Мы идём быстро, слишком быстро для человека, который несколько суток провёл на ветру и шатается от усталости.

Люди расступаются молча. Не кланяются, не отворачиваются, просто уходят с пути, прижимаясь к стенам, чтобы пропустить альту и меня. Интересно, что по регалиям Акриона, я более титулована по сравнению с Тиэррис Хольц, но говорить о том, чья жена, не намерена.

Взгляды каторжников цепкие, оценивающие. Кто-то смотрит с безразличием, кто-то с надеждой, другие - с подозрением, а некоторые – с особым интересом.

Когда начинаем спускаться, помещает мысль, будто меня ведут в казематы. Да уж, стоило сражаться с непогодой, монстрами и нелюбовью нелюдима, чтобы добраться до собственного заточения.

Тело тяжёлое, будто налитое свинцом. Ноги гудят, пальцы, наконец, согрелись, как и всё остальное, но продолжают ломить болью. Хочется сесть, а лучше лечь, просто закрыть глаза хоть на минуту. Но я иду, потому что здесь я скорее враг, чем друг, пока не докажу обратное.

Мы проходим мимо приоткрытой двери, откуда тянет знакомым, почти родным запахом: сушёные травы, горечь корней, дымок смолы. Полагаю, это лекарская. Но вряд ли Хольц притащила меня сюда, чтобы кто-то меня осмотрел. Да и, исходя из новостей, теперь на сотню приговорённых сейчас ни одного врачевателя. Выходит, меня намерены экзаменовать. Притормаживаю, рассчитывая, что мы добрались до цели.

- Не сюда, - бросает Хольц, не замедляя шага, и я снова плетусь за ней.

Дальше коридор сужается. Свет ламп становится таким тусклым, что приходится сильно напрягаться, чтобы хоть что-то рассмотреть.

Я говорил, что следовало отправляться в Варруген, - возникает голос Ашкая в голове. — А ты меня не послушала. Сейчас бы сняли угол и готовили снадобья.

«Без тебя тошно».

Камень становится сырее, мы спускаемся ещё ниже, где градус понижается. Останавливаюсь и требую ответа.

- Могу узнать, куда именно мы идём?

- Почти пришли, - отвечает она расплывчато.

- Я помогла вашим людям добраться сюда, потому что они были ранены, и рассчитывала на доброту со сторону Крепа. Но, как только пересекла порог замка...

- Как только ты сделаешь кое-что, я дам тебе отдохнуть, - машет рукой в сторону, где низкая дверь, почти незаметная,

будто её специально сделали такой, чтобы взгляд соскальзывал.

Тиэррис останавливается и впервые поворачивается ко мне полностью.

- Если ты лекарь, - говорит она ровно, - то поймёшь, что с этим делать.

Дверь открывается, и меня подталкивают внутрь.

Комната очень маленькая. Воздух тяжёлый, застоявшийся, горячий и влажный, будто здесь давно не открывали дверь. Пахнет потом, гноем, прелой тканью и чем-то сладковато-гнилым, от чего сразу першит в горле. Освещения почти нет, и я прошу альту сделать комнату ярче. Она тут же добывает из складок своего платья магический шар, который загорается, словно солнце, и крепит его в специальной нише на стене.

В центре - узкая кровать, на которой лежит женщина. Первое, что бросается в глаза, - кожа. Она покрыта тёмными, неровными струпьями, будто её обожгли, а потом дали ранам гнить. Местами они треснули, из-под них сочится сукровица. В других местах кожа истончилась до прозрачности, синеватая, как у утопленника. На шее и ключицах красные прожилки, расходящиеся паутиной. Грудь поднимается с трудом. Каждый вдох - усилие. Губы потрескались, в уголках засохшая кровь. Глаза полуприкрыты, но она жива, и, судя по всему, очень мучится.

- Можете сказать о ней хоть несколько слов? Кто она, ко-

гда всё началось?

Тиэррис не отвечает сразу. Кармический фамильяр спрыгивает с её плеча и замирает у порога, вытянув тело, словно перекладину. Он не смотрит на больную, всё его внимание на мне.

- Её зовут Иллен, - наконец говорит альта. Голос ровный, без жалости. – Одна из ссыльных, что не отличается никаким талантом: не маг, не воин, не добытчик. Обычная женщина.

Она делает шаг вперёд, останавливаясь так, чтобы свет шара не падал ей в лицо.

- Началось шесть недель назад с трещин на пальцах. Мы списали на мороз. Потом появились тёмные, как ушибы, пятна. Лекарь был ещё жив, он сказал: обморожение, осложнение крови. Она действительно уходила с остальными в лес, чтобы добыть хворост, но заблудилась и вернулась лишь спустя пару дней. Через две недели кожа начала, - Тиэррис делает короткую паузу, подбирая слово, - отмирать. Тогда мы закрыли её здесь. Сказать честно, впервые столкнулись с подобным.

- Почему изолировали? - спрашиваю, не оборачиваясь.

- Потому что трое, кто ухаживал за ней, начали чувствовать слабость. Один потерял дар на сутки, второй - на три дня. Третий умер от истощения, не имея ни одной видимой раны.

Внутри что-то неприятно сжимается.

Она – якорь, - тихо говорит Ашкой.

«Для чего?»

Для заклѣтия. Или для кого-то. Болезнь держится не на теле, а на цели.

Несколько раз проговариваю его слова, чтобы понять, а потом подхожу ближе к кровати, внимательно всматриваюсь в струпья. Они не хаотичны, есть ритм, есть повторяемость.

- Её кто-нибудь трогал магией? – интересуюсь, пока не собираясь производить никаких манипуляций.

- Пытались лечить, - отвечает Тиэррис без оправданий.
- Сначала мягко, потом сильнее, когда стало ясно, что она умирает. Но в Крепе не так много магов, надеюсь, не надо объяснять почему? – выгибает она бровь.

- Потому что ссыльных не только изгоняют из столицы, но и блокируют дар.

Чем больше в неё вливали тепло и силу, - снова Ашкой, - тем глубже болезнь пускала корни.

Повторяю за Ашкаем, и Тиэррис прищуривается.

- Выходит, ты знаешь, что это?

- Никогда не сталкивалась напрямую, но понимаю: это не просто болезнь. Это северная язва с якорем. Её принесли намеренно. Иллен - не цель, она - сосуд.

В комнате становится ещё тише. Даже больная будто перестаёт дышать на мгновение.

- И кто это с ней сделал?

- Этого я точно не знаю.

Наши взгляды встречаются, и мне на мгновение кажется,

будто именно меня теперь будут подозревать в недуге больной.

Глава 21

- Думаете, я появилась здесь не случайно? – озвучиваю мысли альты Хольц.

- Согласись, очень странно, что сперва кто-то заболевает, а потом возникаешь ты со знанием дела, когда старый, повидавший жизнь, лекарь только руками разводил.

Я предупреждал, что следовало быть осторожной, - шипит Ашкой.

- Если я её заразила, то как тогда оказалась на границе Северных земель?

- За шесть недель можно выбраться за территорию Акриона, - не соглашается она.

- Если преследую какую-то цель, для чего называть, что является причиной недуга? Не лучше ли смотреть, как остальные будут заражаться?

- Или же излечить, чтобы тебя называли благодетельницей.

Взгляд альты такой, что прожигает насквозь. Фамильяр снова щёлкает зубами.

- И что же вы от меня хотите? Я должна доказать свою невинность? – спрашиваю устало.

- Правды, конечно же.

- Я назвала своё имя, и камня за пазухой не держу.

- Ты можешь её вылечить? - спрашивает Тиэррис.

Смотрю на Иллен. На её истончившуюся кожу и трещины, в которых поселилась гниль.

Будут последствия, Мейя, - шепчет Ашкой. – Если сорвать якорь – болезнь отпустит тело, но ударит по цели. Иллен излечится, но может погибнуть кто-то иной.

«Можно узнать, на кого наложен этот якорь?»

Я никогда не сталкивался с таким, лишь слышал, пусть и коротаю на свете не первый век. Но знаю, что как только якорь срывается, он поражает свою цель: человека, дракона, животное или же место.

- Кх-кх, - откашливается Хольц, потому что я слишком долго молчу.

- Возможно, смогу ей помочь, но утверждать не берусь, - отвечаю на её вопрос. – И вы должны знать, что болезнь может коснуться любого из замка.

Она поднимает брови, ожидая продолжения.

- Это как лук на прицеле, если мы тронем, тетива дёрнется и стрела войдёт точно в цель.

- Что это значит? – не понимает она.

- Не Иллен цель того, кто наслал болезнь, а кто-то или что-то другое.

Она смотрит на меня, не понимая, и я снова объясняю.

- И ты, конечно же, не знаешь, кому хотели причинить зло? – спрашивает, прищуриваясь. Её фамильяр обнюхивает меня, словно пытается учуять ложь, и снова щёлкает зубами.

- Нет, - отвечаю, спокойно глядя в глаза напротив.

- Я верю тебе, - кивает слегка. – А если она умрёт? – спрашивает так, словно говорим не о человеке, а о старых сапогах.

- Тетива перестанет натягиваться, - повторяю за Ашкаем, осознавая, что только что мы подписали смертный приговор бедной женщине.

- Она заразна? – далее вопрос.

- Не для всех, - звучу словами Ашкая. - Но для тех, у кого есть дар. Болезнь тянется к силе, как к огню.

Тиэррис отшатывается, словно боится, что с ней что-то случится.

Женщина хрипит, и мне становится невыносимо жаль её, а потому склоняюсь над больной, решая снять болевой синдром.

- Что ты делаешь? – меня дёргает назад. Хольц боится, что против её воли стану лечить умирающую. Конечно, она может быть под ударом, и тот, кто не в силах добраться до неё напрямую, мог наложить этот якорь.

- Не беспокойтесь, я не стану её лечить, но не могу смотреть, как она мучится.

- Могу дать тебе нож, - предлагает Тиэррис, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть, насколько она серьёзна в своих словах. Ни тени улыбки, и по спине шагают огромные мурашки. Она не шутит, она действительно предлагает мне убить больную.

Глава 22

Наша битва взглядов может длиться долго, а потому прерываю её первой.

- Я не человек без сердца, моё призвание – помощь, а не убийство.

Опускаюсь рядом с кроватью, не отвечая больше ни слова. Сейчас любые объяснения будут лишними. Иллен тяжело дышит, каждый вдох даётся ей с усилием, словно воздух режет изнутри. Кладу ладонь ей на грудь, где боль пульсирует сильнее всего.

- Тише, - шепчу скорее себе, чем ей. - Я рядом.

Дар откликается сразу, но иначе, чем прежде. Не тёплой волной, не живительным светом: он будто вязнет, темнеет, становится густым, как вода перед замерзанием. Я не лечу, я унимаю, сглаживаю острые края боли, притупляю сигналы, чтобы тело перестало кричать.

Даже пожелай ей помочь, ничего бы не смогла сделать. Я прибыла сюда слишком поздно. Внутри неё уже не борьба, а тишина, похожая на глубокий колодец. Якорь сделал своё дело. Болезнь не ест, а лишь удерживает остаток жизни, как приманку, как узел. Я чувствую, как тьма медленно, почти бережно, закрывает всё, что ещё теплилось.

Тебе надо разорвать контакт, Мейя, - тихо говорит Аш-кай, но я продолжаю. – *Мейя, для тебя могут быть послед-*

ствия.

Осторожно веду силу не к телу, а к разуму, даря человеку глубокий мягкий сон без боли. Иллен вздыхает ровнее, напряжение в плечах отпускает, пальцы перестают судорожно сжимать простыню, лицо разглаживается, будто она впервые за долгие недели перестала страдать.

Поднимаюсь медленно. Колени дрожат, организм работает на пределе возможностей. Фамильяр больше не щёлкает зубами, он неподвижен, как статуэтка у порога.

- А теперь я бы хотела поесть и отдохнуть, - говорю свои требования.

Мы выходим, и дверь за спиной закрывается глухо, словно ставя финальную точку. Коридоры Ледяного Крепа встречают нас холодным камнем и эхом шагов. Людей уже меньше, неудивительно, учитывая, который сейчас час.

Тиэррис ведёт меня молча. Ни вопросов, ни приказов, только длинные извилистые коридоры и её ровная не по годам спина.

Через время мы входим в столовую: просторное помещение с длинными столами, низкими сводами и огнём в очагах вдоль стен. Здесь почти никого, занят лишь один стол, за которым вижу Валара, Ирвика, Винору и Эрвейна. Он сидит вполоборота, локти на столе, перед ним миска с густой похлёбкой. Поднимает взгляд сразу, будто чувствует меня кожей. Наши глаза встречаются на мгновение, и в его взгляде нет вопросов, лишь холодное безразличие.

- Садись, - приглашает Тиэррис, щёлкает пальцами, и тут же кухарка приносит мне наваристой похлёбки с мясом, кореньями и чем-то острым, что щекочет нос. Рядом - ломоть тёмного хлеба и кружка с горячим отваром.

Едят здесь просто, но сытно: мясо, долго томлённое до мягкости, жир, который кладут прямо в похлёбку, солёные лепёшки, вяленая рыба. Еда для выживания, не для вкуса, и именно сейчас она кажется спасением.

Руки дрожат, когда беру ложку.

- Всё в порядке? – интересуется негромко Валар, когда Хольц оставляет нас одних.

- Если я сейчас же не лягу в кровать – умру, - отвечаю.

- Тогда ты будешь жить, - смеётся он в бороду. – А ради этого я могу отнести тебя на руках в комнату.

Ирвик смеётся, Винора улыбается шутке, лишь нелюдимый Эрвейн отодвигает с шумом миску, прерывая общее веселье, громко пьёт содержимое большой кружки и с грохотом ставит её на стол. Потом поднимается и уходит, не сказав на прощание ни слова.

Добро пожаловать в Креп, Мейя. Кажется, будет весело.

Глава 23

Комнату лекаря мне так и не отводят.

- Доверие в Крепе не выдают авансом, - бросает Тиэррис на прощание, не оборачиваясь. - Его зарабатывают.

- Ничего, - подбадривает меня Валар, - все мы знаем, на что ты способна, и будут у тебя личные покои. А пока переночуешь с остальными.

Рядом со мной останавливается женщина и кивает, приглашая отправиться за собой.

Иду, пошатываясь от усталости, теперь в другую сторону, противоположную от той, где были с Хольц. Коридоры пахнут потом, дымом, влажной тканью и человеческой теснотой. Женщина молчит, не задаёт вопросов, не ведёт экскурсию.

Когда добираемся до цели, толкает плечом тяжёлую створку, и ждёт, пока зайду внутрь.

Комната душная. Низкий потолок, узкие щели окон под самым сводом, полумрак, в котором нашли приют восемь коек. Когда входим, начинается шевеление, Потревоженные женщины поднимают головы, чтобы посмотреть, что случилось. Их лиц разглядеть не могу, слишком темно.

Провожатая испаряется так же, как появилась, оставляя меня среди незнакомок, от которых веет недовольством и агрессией.

- Новенькая, - одна из них садится на кровати. - Смотрите-ка. Давно к нам никого не присылали, всё в Копи да в Готтард.

- Доброй ночи, - стараюсь, чтобы голос звучал спокойно, без раздражения, ведь они ни в чём не виноваты. – Где я могу лечь?

- Да выбирай любое место на полу, - снова тот же голос и несколько смешков от товарок, и я понимаю: просто не будет. Это не институт благородных девиц, это место для изгоев, от которых отказалось общество. Особый контингент, который становится ещё хуже в подобной среде.

Всматриваюсь в сумрак. Одна из кроватей слишком плоская, словно там никого нет. Отправляюсь туда, убеждаясь в предположении, и устало сажусь, снимая ненавистные сапоги, стёршие ноги до крови. Тело гудит, голова тяжёлая, перед глазами плывёт комната. Хочется лечь, просто лечь. Без разговоров, без объяснений, без ещё одной проверки.

Укладываюсь, натягивая на себя одеяло не первой свежести, сохранившее запахи той, кто был тут до меня. Возможно, той самой Иллен, что теперь умирает этажами ниже. Никому не ведомо, когда настанет наш час.

- Ты какого фарта послушалась? – недовольный голос, и слышу, как босые ноги касаются ледяного камня, а потом шелест одежды.

- Оставь её, Майна. Давай спать, завтра тяжёлый день.

- Закрой рот, Ляха, это моя территория.

- Забыла, когда Хольц раздавала документы на владения,
- фыркает та. То ли не боится, то ли делает вид, но после
ничего не произносит.

- Ты кто такая будешь? – рядом со мной шипит женский
голос, и не успеваю ответить, как следом. – Глухая или важ-
ная? Тогда какого фарта тут оказалась?

- Я обязательно пообщаюсь с вами на эту тему, но завтра.
Пожалуйста, дайте мне отдохнуть.

- Из высокородных, - делает вывод Майна. – Вишь, как
чешет, - обращается к кому-то, а потом ко мне. - Здесь так
не принято. Встань, когда с тобой говорят!

- Я хочу спать, пожалуйста, - говорю с нажимом.

*Боюсь, Мейя, они глухи к подобным просьбам. Я говорил,
что следовало...*

«Ашкой, давай без нравоучений! Мы можем их усыпить?»

Ресурсов не осталось, тем более на семерых.

«Хотя бы на самую агрессивную».

*Нельзя забираться в резерв, Мейя. Это может плохо за-
кончиться.*

«Если я позволю себя избивать, а всё, кажется, к этому
идёт, это как раз плохо и закончится».

Придумай что-то другое.

- Подъём, - меня больно в ягодицу толкает чужая нога.
Зачастую так себя ведут те, кто за счёт других мечтает стать
выше, не представляя из себя ничего. - Здесь ты никто, - це-
дит. - Будешь делать, что скажут. Поняла?

Кто-то смеётся. Кто-то одобрительно цокает языком. Уверена, каждая из них прошла через этот ад, очерствела душой и приняла правила, которые следует, наоборот, сломать. Вместо отдыха – развлечение-издевательство над новоприбывшими, прощупывание порогов и приобретение «служанок». И женщины радуются, что я могу занять чьё-то место. Только я не намерена следовать этим правилам.

Внутри закипает злоба. Ненавижу всех в этой крепости, хотя тут погорячилась. Валар, Рох, Ирвик и Винола не при чём. Уверена, есть и другие со светлыми душами, но вряд ли кто-то из тех, что здесь, потому что следующее движение Майны дёргает меня на пол: ухватив за волосы, она стаскивает меня с койки, уверенная в своей правоте.

Теперь ты знаешь, куда шла, Мейя. Это не просто крепость. Это место, где тебе придётся выцарапывать свою жизнь каждый день.

Чувствую, как злость придаёт сил. Когда кажется, что уже нет ресурсов, можно найти что-то в себе.

- Ещё раз тронешь, - тихо говорю, поднимаясь на ноги, - уснёшь на несколько дней.

Размышляю над угрозой. Уверена, что работа здесь тяжёлая, и каждые руки на счету. Выходит, я сделаю для этой ужасной женщины подарок: возможность выспаться, потратив свою магию. Тогда как потом получу выговор от той же Хольц, что лишила Креп рабочей силы. Нет, у меня для неё кое-что поинтереснее припрятано.

«Ашкай, мне нужна моя сила».

Её не осталось, Мейя.

«На то, что я задумала, нужно совсем мало».

- Что ты сказала? – снова шаг ко мне, но уверена: ей не по себе. Я чувствую, как дрожит воздух между нами от её страха, но она не сдаётся. Так до последнего рычат друг на друга самцы: один отстаивая территорию, второй - намереваясь её захватить. Мне не нужны никакие владения, лишь немного пространства, которое будет по праву моё.

В комнате становится тише.

- Что тебе лучше меня не трогать, Майна, а подождать до завтра со своими расспросами. Сейчас я очень устала.

- Кажется, ты не знаешь, как следует себя вести в Крепе. Что ж, я научу тебя, что надо говорить старшим.

Вижу её лицо совсем близко. Судя по всему, она раза в два старше меня, или же это отпечаток суровых условий проживания.

- Я не люблю причинять людям вред, - признаюсь честно, - но ты не оставляешь мне выбора.

Нет, моя рука не сжимается в кулак и не летит прямиком ей в лицо, вместо этого ладонь впечатывается в низ живота женщины, и магия проходит от меня к ней.

Глава 24

Лицо Майны меняется мгновенно.

Сначала недоумение. Она явно ждала удара, боли, сопротивления. Потом расширившиеся зрачки, резкий вдох, будто что-то внутри неё внезапно оборвалось. Чувствую, как под ладонью дрогнули мышцы, как тело не послушалось хозяйку, но у неё не было шансов, а у меня времени придумать что-то другое.

Спокойно убираю руку. Ни угроз, ни торжества. Просто разворачиваюсь и снова забираюсь на койку, подтягивая к себе одеяло, будто ничего не произошло.

Тишина держится порядка десяти секунд.

- Чем смердит? - доносится из темноты чей-то хриплый вопрос.

Пауза, и моя обидчица спешит к себе.

- Майна, что это? – звучит голо Льяхи. – Решила метить территорию?

Сначала кто-то фыркает. Потом ещё одна. Смех накрывает комнату волной: злой, хриплый, но настоящий. Женщины смеются не надо мной, над ней.

- Она – ведьма, - рычит в мою сторону Майна.

- Лекарь, - отзываюсь, зевая, - это называется лекарь, - говорю устало.

- А девка-то непростая, - раздаётся шёпот.

- Я убью тебя, - рычит Майна, и в этом рыке больше бес-
силия, чем ярости.

- Иди порты стирай, - лениво отзывается Льяха.

Смех снова прокатывается по комнате, но уже затухает.

- И дайте уже поспать, - добавляет она.

Кто-то зевает, кто-то переворачивается на другой бок, в
комнате, наконец, становится тише.

Я не двигаюсь. Сердце всё ещё стучит в ушах, но злость
отступает, оставляя после себя пустоту и усталость. Ашкой
молчит, и в этом молчании я слышу одобрение.

Утро в Крепе приходит не светом, а звуком. Не успеваю
отдохнуть, как народ начинает шевелиться, бурчать, громко
зевать, прогоняя сон. Слышатся крики в коридоре, металли-
ческий звон, будто кто-то роняет ведро.

Женщины поднимаются тяжело, нехотя. Никто никого не
будит: здесь каждый отвечает за себя. Давно привыкла вста-
вать рано, вместе со служанками, потому что в доме соб-
ственного мужа я не эрдана, а девчонка на побегушках. Толь-
ко сегодня я разбита. Но как бы тяжело не было в Крепе, я
рада, что не вижу ненавистного лица Фриэллы.

Но не вижу и доброго Кирена, с которым у нас были очень
тёплые отношения. Сама себе боялась признаться, что он
для меня не просто брат мужа, а нечто большее. Но чувства
под замок, язык не мой враг, я отдана другому, и лишь улы-
балась ему, смотрела искренне, когда он подносил какие-то
подарки. Любовница мужа фыркала, а Лаэрд ревновал, хотя

не имел никакого права, и требовал от меня перестать кокетничать с Кереном.

Однажды он чуть не поцеловал меня, но помешал конюх, и я сбежала, стораю от стыда и уверяя себя, что это неправильно. Потом успокоилась, мечтая, что он снова попытается, но произошла история с младенцем, и тогда Кирен спас меня. Он пошёл против брата, и я бы многое отдала за то, чтобы узнать, что с ним теперь.

Если я когда-нибудь увижу его снова, обязательно скажу, что чувствую. Но у судьбы другие планы, а потому сажусь на койке, чувствуя, как ноют мышцы, как тело всё ещё помнит вчерашний день, и протираю глаза.

Только двое женщин ещё возятся, остальных уже сдуло. Обуваюсь, отправляясь за ними, не знаю, что именно мне следует делать, но лучше не выделяться из толпы.

Идём умываться в общий отсек: длинное каменное помещение с желобами вместо раковин. Вода в кадках ледяная, пахнет железом, часть снега даже не успела растаять, но хотя бы в этом недостатка нет, снег и лёд здесь повсюду. Кто-то плещет себе в лицо, кто-то просто смачивает ладони и проводит по шее. Мыло - редкость, привилегия. Вижу, как некоторые добывают из тряпок обмылки, у кого-то с собой тёмные гранулы неизвестного мне порошка. Несколько женщин трут зубы корневой щёткой – приспособлением, сделанным из корня какого-то растения, другие собирают волосы в хвосты, чтобы не мешались. Здесь чистота - понятие условное.

Как только один из ковшей освобождается, набираю воду и умываюсь, чувствуя ледяную маску. Зеркал здесь нет, в основном разбиваются по парам, чтобы подправить что-то другому, если кому-то надо. Я пока изгой, новенькая, которая должна выбивать себе место под солнцем. Только вижу, как за спиной шепчутся, тыча в меня пальцами. Надеюсь, это не заговор, и к закату я буду ещё жива.

Заплетаю волосы в косу. Пожалуй, единственное, что у меня осталось от матери – волосы. Огненные, словно солнце, довольно объемные и распадающиеся волнами. Мама любила расчёсывать меня и петь, и её голос до сих пор звучит в моих ушах.

Я знаю, как задобрить эту ведьму, - подаёт голос Ашкой.
«Какую из всех» - уточняю.

Холцы. Ты видела на её шее чёрную бородавку?

«Шутишь? Я слишком устала, чтобы замечать подобные мелочи».

Она её прячет под воротником, но вчера он немного оттопырился. Если ты избавишь её от неё – заработаешь расположение.

«Неплохая идея, но сначала я бы не отказалась подкрепиться».

- Здорово ты с ней вчера, - звучит голос над ухом, и, обернувшись, встречаюсь взглядом с женщиной лет тридцати пяти. Чёрные короткие волосы, шрам над губой и внимательные глаза. – Я – Ляха, - представляется, и что-то мне под-

сказывает, что одного союзника среди женщин я нашла.

- Мейя, - дарю ей улыбку.

- Красивые волосы, - кивает она на мою косу, покоящуюся на левом плече. – Ты искра?

- Нет, я...

Да, ты искра, глупая девчонка. Неужели, ты намерена кричать о своём происхождении направо и налево?

- То есть, да, искра – от родителей мне передался лекарский дар, но он не очень сильный, - нарочно говорю, потому что Ашкой прав – я не должна много рассказывать о себе.

- Поторапливайтесь, лентяйки, - прикрикивает на нас какая-то женщина.

- Идём, - приглашает за собой Ляха, и потоком отправляемся в столовую.

Здесь куда более шумно, нежели вчера. До ушел доносится ругань и звон упавшей поварёшки. Встаём в очередь, которая уже насчитывает человек тридцать, не меньше, и стараюсь сильно не оглядываться, а просто смотреть в спину впереди стоящего.

- За что сослали? – интересуется Ляха, разместившаяся сзади.

- Сама пришла.

Она заглядывает мне в лицо и смотрит на меня, как на идиотку. Если бы я сперва побывала здесь, то, наверное, согласилась бы с Ашкаем, который предлагал другое направление. Понимаю и её удивление.

- Наверное, ты сумасшедшая, - выносит она вердикт.

- Наверное, - хмыкая, продвигаясь дальше, когда взгляд цепляется за стол неподалёку, где сидят трое мужчин. Рядом с ними девушка с подносом, которая расставляет тарелки. Только для них такое послабление.

- Это пятёрка, - тут же объясняет Ляха, - хотела бы я быть среди них, но, увы, не вышла даром, - и будто услышав, что говорят о них, один из мужчин поворачивается, и наши взгляды встречаются.

Визуал альты Тиэррис Хольц и её фамильяра

А вот так выглядит наша властная хозяйка, которая даже после смерти супруга осталась на Севере заправлять каторжниками. Построила свой мир, набрала любимчиков и упивается властью, а всё потому что имеет довольно сильную магию, которой запросто подавит желание ей перечить. Её сила - телекинез.

А вот так (как смогла нарисовать нам нейросеть) выглядит Кэрис - кармический фамильяр Тиэррис Хольц

Глава 25

- Давай, чего встала, - в спину прилетает тычок, и зрительный контакт разрывается.

- Да это ж та самая, что с Майной сделала, - слышу шёпот, и толкнувшая как-то сдувается. Нет, не торопится извиниться, просто молчит, как воды в рот набрала.

Очередь двигается довольно быстро, и вскоре в руки мне выдаётся жестяная миска с серой жижей и небольшая кружка, внутри которой, по всей видимости, вода с землёй, потому что она неприятного земляного оттенка. Поверх укладывается половинка хлеба, и, к моему удивлению, он тёплый и вкусно пахнет. На фоне ужасной каши и чая – луч света в тёмном царстве.

Мы садимся за один стол. Так принято, никто не спрашивает, хочешь ли ты быть рядом с этими людьми. Просто вереницей, подобно муравьям, добираемся до засаленной столешницы, впитавшей однотипную еду, и принимаемся есть. Точнее, остальные механически двигают ложками между миской и ртом, а я лишь присматриваюсь к тому, что сгустком лежит на дне. По всей видимости это каша, на вид совершенно несъедобная, но то, как спокойно уплетают её другие, говорит об обратном. А, может, у них просто нет выбора?

Не вороти нос, Мейя, помню времена, когда твоя пра-пра-

пра-прабабушка ела пипсов.

«Кого?»

Пипсы – маленькие зверьки, похожие на крыс.

Ложка отправляется обратно в жижу, аппетит вовсе испорчен.

Не теряй силы духа, ты же эфа! Видишь, как косится на тебя вчерашняя обидчица?

«Не буду реагировать».

И правильно.

«Много тут драконов, ты их чувствуешь?»

Да, есть парочка. Как раз тот, кто пожирал тебя глазами.

«Можно подробности?»

Он за столом пятёрки, которая, кстати, теперь в сборе.

Хочу обернуться, но живот отзывается горьким стоном, требуя еды. Целителю нужны силы, потому что часть из них приходит из физической оболочки, а вторая – копится в магических ресурсах, отсюда эфам так важно хорошо питаться.

Решаю сперва дотянуться до хлеба, а потом посмотреть, о ком говорил Ашкой, когда на стол падает тень.

- Ну здравствуй, - раздаётся знакомый голос.

Поднимаю взгляд и невольно улыбаюсь. Валар стоит, опершись ладонью о край стола, будто мы не в Крепе, а где-нибудь в дороге, на привале. Смотрит внимательно, но без тревоги: скорее с тем самым спокойствием человека, который уверен, что, если ты ещё жива, - значит, справилась.

- Как устроилась? - спрашивает он так, словно интересуется, не дует ли в комнате.

Я усмехаюсь и пожимаю плечами.

- Завожу друзей, - отвечаю с самым невинным видом.

За столом кто-то хмыкает, кто-то фыркает, а Майна сжимает ложку так, что костяшки белеют. Валар переводит на неё взгляд, потом снова на меня, и в уголках его глаз появляются смешинки. Вижу, как напряглась Льяха, сидя рядом со мной, буквально ощущаю, как воздух вокруг неё стал плотнее, будто она создала себе невидимый кокон. Обычно такое бывает у Искр, и никогда у пустогласов. Чуть поворачиваю голову, она старается не смотреть в мою сторону, хотя только что спокойно сидела рядом. Это на неё так Валарсо мной действует?

- Ну вот и хорошо, - кивает он. - В Крепе без этого никак. Он оглядывает стол и уже громче добавляет.

- Не обижают?

- Пока нет, - отвечаю честно. Ну это если рассматривать вопрос про данный момент, а не вчера.

- Это правильно, - заключает он и хлопает меня по плечу, как доброго друга так, что чуть не расплёскивается каша. - Можешь навестить Роха? Надо осмотреть его рану.

- Конечно, я и сама хотела спросить, как он.

- Вот у него и поинтересуешься.

- Валар, - зовёт его какой-то мужчина, и он больше не задерживается.

- После завтрака найди меня, - бросает на прощание, отправляясь на выход.

Он уходит так же легко, как пришёл, оставляя после себя странное чувство: будто мир на мгновение стал устойчивее. А я, признаться, совершенно не знаю, где его искать.

- Ты знаешь Валара? – тут же отмирает Льяха.

- Ну не то, чтобы знаю, - хочу не согласиться. – Так, виделись однажды.

- Но он говорил с тобой, как с хорошей знакомой, - не соглашается она.

- Однажды я помогла ему, теперь он – мне. Вот и всё. Что-то не так?

- Она влюблена в него по уши, - вставляет реплику Майна, надеясь перевести интерес с себя на кого-то другого. Льяха бросает в её сторону ненавистный взгляд, а я отмечаю, что для влюблённости возраст великоват. Всё же такое присуще больше молодняку, к которому никак не могу отнести Льяху.

- Закрой рот, сквозит, - тут же защищается женщина, тушуясь. – Не слушай её, - обращается ко мне. – Ей лишь бы что сказать.

- Да все видели, как он обронил оберег, а ты его подобрала, а потом...

Договорить Майна не успевает, потому что тут же Льяха подскакивает с места, хватает её за чёлку и дёргает вниз так, что лицо впечатывается в столешницу. Посуда с жалобным скрежетом подпрыгивает, кружка переворачивается, когда

Майна, разводит руки в стороны, пытаясь встать, но Ляха упорно давит вниз, помогая себе второй ладонью.

- Махада', - рычит Майна.

Не забывай этого слова, Меяй, оно слишком неприличное, - просит меня Ашкай, и я успеваю схватить свой хлеб, прежде чем и мою утварь сметают с пути молотящие воздух руки Майны.

Удивительно, но вместо того, чтобы разнимать дерущихся, остальные начинают подбадривать их криками, стучать кулаками и черенками ложек по столам, создавая атмосферу поддержки, при которой начинают болеть каждый за своего игрока.

«Будем вмешиваться?» - интересуюсь у Ашкая, отправляя в рот довольно большой кусок хлеба.

Я бы не стал принимать ничью сторону, - совет довольно неплох, - *соблюдай нейтралитет*.

Пожалуй, так и сделаю.

Глава 26

Тарелки летят на пол, раздаётся свисток. По всей видимости тех, кто следит за порядком, в столовой сейчас нет. Но уверена: в таком месте просто обязаны быть люди, что станут карать провинившихся, иначе бунта не избежать.

Уворачиваюсь от удара, предназначенного не мне, но пролетающего мимо, и продолжаю жевать, когда Льяху обхватывают чьи-то руки, заключая в кольцо, из которого она не в силах вырваться. Женищина всё ещё продолжает сжимать в руке волосы противницы. Майна визжит, а я снова слышу голос Валара. Именно он и пытается остановить драку, тогда как остальные даже не двигаются с места. Бросаю взгляд в сторону пятёрки, все они с интересом следят за потасовкой за нашим столом. Хлеба и зрелищ: они получили и то, и другое.

- Довольно, - грубо встряхивает Валар Льяху, которая, возможно, настолько вошла в раж, что и не понимает, в чьих объятьях сейчас находится, иначе бы вела себя по-другому. – Успокойся.

Майна держится за голову, часть из которой выглядит явно поредевшей, а в руке Льяхи замечаю довольно приличный клоч волос. Теперь я точно не стану ссориться с этой женщиной, вон она как лихо расправляется с обидчиками. Лучше занесу её в разряд друзей.

Ляха снова становится собой и обмякает, когда видит рядом Валара. Тот смотрит на неё грозно, а потом появляются трое, которым женщина в тёмном платье указывает в нашу сторону. Они подходят, подхватывают обеих каторжниц под руки и утаскивают за собой под молчаливыми взглядами присутствующих.

- А ну живо отправляйтесь по своим делам, - прикрикивает незнакомый человек, и тут раздаётся странный звон. Смотрю, как все вокруг прижимают ладони к ушам, словно пытаются сделать его тише, и на лицах страдальческое выражение.

Это крепостной резонатор – артефакт подавления и подчинения, выданный надсмотрщикам для подавления бунта, - объясняет Ашкай. - Звук не только снаружи, он внутри головы, будто колокол бьёт прямо по мыслям. И предлагаю делать вид, что на тебя он тоже действует, потому что в твою сторону смотрят косо.

Повторяю движение за остальными, чтобы не выделяться из толпы. Мне повезло с Ашкаем. Не будь его, в жизни бы пришлось туго. Он для меня верный наставник, память о доме, бессменный помощник, усилитель магии и друг, с которым можно просто поговорить по душам.

Артефакт мне интересен, и я внимательно смотрю, как искажается воздух вокруг надсмотрщика, пока он не закрывает что-то на своей руке. Только теперь вижу на его запястье широкий грубый металлический браслет, испещрённый резь-

бой. В углублениях вмерзшие в металл крошечные ледяные сфaры, мутные, с трещинками, будто их использовали уже не раз. Об этом мне тоже говорит Ашкой, потому что прежде я никогда не встречала сфaры.

От браслета в разные стороны тянутся тонкие голубоватые нити, колеблющее пространство. Получается, он не бьёт по телу, а давит на внутренний ритм человека: дыхание, пульс, мысли. Настраивается на нервную систему и заставляет её сбиваться, если владелец приказывает. Артефакт действует почти на всех, но есть и те, кто глух к крепостному резонатору. Например, я. Например, те пятеро, что внимательно осматривают зал хищными взглядами победителей.

Всё прекращается так же быстро, как и началось.

- По делам. Немедленно, - повторяет мужчина уже спокойно, убираясь прочь, а меня какая-то женщина толкает вбок, кивая головой за мою спину.

Оборачиваюсь, смотря, как один из пятёрки манит меня пальцем, с надетым на него металлическим когтем, и я вспоминаю Лаэрда в его недоипостаси. Много бы отдала, чтобы узнать, чем они теперь заняты. Как поживает Кирен, и успокоилась ли мерзавка Фриэлла?

Мужчина, вальяжно сидя на стуле, пока одна рука покоится на колене, продолжает манить меня пальцем. Жест уверенный, наглый, хозяйский.

Любимцы Тиэррис. Те, кто ходит глубже остальных, рискует чаще и возвращается с полными носилками камня. Луч-

шие добытчики Крепа. Те, кому прощают лишний ковш похлёбки, лишний день отдыха и даже иногда грубость.

Чуть позже я узнаю, чтоэтотширокоплечий, с тёмной от солнца кожей, будто навсегда прогретой солнцем, - Харек Талм, или Коготь, как его называют здесь. Там, где другие мёрзнут, он работает часами, не теряя чувствительности в пальцах. Сослан за убийство надсмотрщика на южных разработках. Но, благодаря дару, сидит на почётном месте.

- Иди, - подталкивает меня женщина рядом, будто и ей непременно достанется за мою нерасторопность. Металлический коготь перемещается на столешницу и до ушей добивается мерное постукивание.

Я бы на твоём месте сходил, - советует Ашкой. – *Друзей надо заводить и среди недругов.*

Глава 27

Люди в столовой начинают расходиться, а я отправляюсь к небольшому столу, за которым сидят пятеро. О них мне расскажет Валар, и я прокручу в памяти все моменты, связанные с любимчиками, а пока смотрю на единственную девушку – Кайру Вельх.

Она красива, но не той мягкой красотой, что нравится мужчинам из столицы. Резкая, северная. Смуглая кожа, словно камень, отполированный ветром. Волосы коротко острижены, чуть длиннее у висков, чтобы не мешали в шахтах. На лице старый шрам, пересекающий бровь и уходящий к виску, но он не уродует, а подчёркивает характер.

Глаза тёплого редкого янтарного цвета. В них нет ни страха, ни сомнения. Такими смотрят люди, которые знают: если завтра будет обвал, они из-под него выйдут.

Одежда простая, рабочая, но сидит так, будто сшита специально под неё, облекая довольно красивую грудь и талию. Худышкой её можно называть разве что с натяжкой, она крепкая. Руки сильные, с мозолями, но движения точные, экономные. Она из тех, кого называют «крутыми» без лишних слов. Опора Крепа, кость и хребет. Уличена в краже, за это оказалась здесь. Она - искра, и я ощущаю слабую магию, искажённую холодом. Она компас – указывает направление, где, скорее всего, найдутся артефакты.

За провинности людей ссылают. Драконов лишают магии, искр не трогают, потому что их дар слишком слабый, чтобы кому-то навредить. Наоборот, здесь они ценятся за то, что в них вообще есть хоть капля магии.

Рядом с девушкой сидит Реан Корст - худой, жилистый, с вечной полуулыбкой человека, который видел смерть и договорился с ней о перемирии. Он тоже искра. Его магия ещё тише: Реан умеет слышать эхо энергии: тонкое звенящее ощущение в костях, когда поблизости есть сфера. За незаконную работу с артефактным сырьём его отправили в Креп без суда. Неудивительно, что здесь его часто зовут Эхо.

Ещё один - Борн Аскадрен, молчаливый черноволосый с тяжёлым взглядом и руками, как каменные молоты, за что получил прозвище Камнелом. Он способен выдерживать перегрузки, от которых ломаются рёбра. Однажды не рассчитал силы и убил какого-то альта, за то и сослан. Здесь единственный, кто выжил при обвале, похоронившем десяток людей. И то, как он находит сферы, ни с кем не делится.

И последний - Севир Лоран - самый молодой и самый привлекательный из них. Светловолосый, с красивым лицом, если не брать в расчёт холод в глазах. Солнцорождённый с быстрой регенерацией. Незаконнорожденный сын тиания, от которого захотела избавиться вдова мужа, как только тот отправился к богам. Порой достаточно просто родиться, чтобы стать неугодным.

Подхожу ближе, и пять пар глаз смотрят на меня спокой-

но, оценивая, как на вещь, которую ещё не решили: брать или выбросить.

- Ну? - тянет Харек Талм, постукивая металлическим когтем по столешнице. - Кто такая будешь?

- Здравствуйте, - приветствую, потому что так принято среди воспитанных людей. – Наверное, было бы лучше, представь меня всем хозяйка крепости. А для этого следует немного подождать.

Я не стану лебезить и прогибаться под них, но и сказано было без заносчивости, только без прямого ответа.

- С гонором, - фыркает Кайра, которой явно не нравится, что мною заинтересовались её друзья. Куда лучше было бы, отошли они меня прочь, но, пот всей видимости, я их заинтересовала.

Кайра ревнует, это видно, особенно после того, как Севир, которого в крепости называют Бастардом, начинает проявлять ко мне мужской интерес.

- Надеюсь, ты такая же огненная в постели, как и твои волосы, - бросает он лениво, явно ожидая реакции, и стреляет глазами. Кажется, блондин привык, что женщины реагируют на его красоту, у меня же его реплика вызывает удивление. Да, он красив, но его самоуверенность отталкивает. – Каталась ли ты когда-нибудь на драконах, лисичка?

Глава 28

- Так как тебя зовут? – спрашивает Эхо более учтиво, понимая, что отвечать на идиотский вопрос я не намерена.

- Мейя, - отвечаю.

- И как же ты попала в Креп, Мейя?

- Пришла, - пожимаю плечами.

- Пришла, - фыркает Кайра. – А какие ещё варианты?

- Я лекарь, - перевожу взгляд на Харека, который продолжает стучать по столу когтем примерно раз в полминуты.

Голоса у них разные, но интонация одна: уверенность людей, которым здесь позволено больше, чем остальным.

- Лекарь, - протягивает Камнелом, будто пробует слово на вкус. – Не слишком ли молода?

- Сочту за комплимент.

Сефир усмехается, откидываясь на спинку стула, и его взгляд скользит по мне без стеснения. Интересно, он так встречает всех женщин, пересекших порог Крепа? Ноги слишком широко расставлены, слишком неприлично.

Я не отвожу взгляда.

- Надеюсь, ты такой же быстрый в шахте, как в разговорах, - отвечаю спокойно, и блондин сужает глаза.

Мейя, так друзей не заводят, - напоминает Ашкой.

Согласна с ним, но на друзей и не смотрят, как на мешок с мусором, а в глазах пятёрки я видела их собственное пре-

восходство и мою никчёмность. Только они ошибаются, я не одна из миллиона, но не стану задирать нос, крича на каждом углу на что способна. Я желаю, чтобы со мной говорили на равных.

- О-о-о-о, - тянет Эхо. – Она мне уже нравится.

- На тебя резонатор не подействовал, верно? - вдруг спрашивает Коготь, наклоняясь вперёд. А он очень наблюдателен.

- Если вы о том жутком вое, то мои уши чуть не лопнули, - лгу. – Впервые столкнулась с подобным. Как говорите он называется?

- Резонатор.

- И часто его используют здесь?

- Периодически. Значит, ты, как остальные.

- А есть те, на кого он не действует?

- На нас, - явно гордится этим Камнелом, но что-то мне подсказывает, что причина не в их избранности, а они имеют какой-то артефакт против артефакта, выданный Холцц любимчикам.

Коготь смотрит внимательнее, дольше, чем нужно. Не верит, но и не спорит на этот счёт.

- На Ночь Выбора она моя, - выкрикивает Севир громко, что те, кто ещё не ушёл из столовой, слышат. Он хищно скалится и посылает мне воздушный поцелуй. – Надеюсь, ты будешь такой же горячей, чтобы греть мою постель всю ночь.

Впервые слышу о какой-то Ночи Выбора, но мне это со-

вершенно не нравится, потому что вместе с тем упомянута кровать. Впрочем, не нравится это и Кайре, которая теперь смотрит на меня, как на врага. Кажется, я перешла ей дорогу, стоя на месте.

- Что за Ночь Выбора? – решаю поинтересоваться, раз уж мы тут собрались.

- О-о-о-о, тебе понравится, - теперь улыбка блондина искренняя. – Никто не уходил то меня недовольной.

По поведению Кайры видно, что она считает Бастарда своим, жаль, он не в курсе.

- Это такой праздник, - не сводит с меня взгляда Харек. - Старый обычай, которого многие ждут целый год. В эту ночь любой мужчина может выбрать любую женщину без обещаний и последствий.

- Только мужчина? – выгибаю бровь.

- Если одну выбирают двое – она вправе решать, с кем провести ночь. Или же разделит её с двумя.

- А если ей никто не нужен?

- Такого не бывает, - усмехается Камнелом. – Да ты не бойся, тебя хорошо приласкают.

Мне становится холодно, несмотря на жар столовой. Я вдруг ясно понимаю: это не шутка, не бравада и не попытка меня напугать. Это правило. Ещё одно правило чёртовой крепости.

- Я не чья-то, - говорю спокойно, глядя прямо на Севира.
- Ни сегодня, ни в любую другую ночь.

Он улыбается, но в глазах появляется что-то хищное.

- Посмотрим, лекарка.

Разворачиваюсь первой, намереваясь уйти. За спиной слышу, как Кайра тихо, почти неслышно, говорит:

- Осторожнее, Лоран. Она может оказаться тебе не по зубам.

- Следи за собой, Вельх, я как-нибудь без тебя разберусь, что и с кем мне делать.

Глава 29

Наконец, меня провожают к Тиэррис, которая интересуется, как я обустроилась. Она принимает меня не в зале и не с посторонними, а наедине и в своей комнате, куда допускают немногих. Дверь за моей спиной закрывается тяжело, с глухим щелчком, словно отсекая всё остальное пространство Крепа.

Комната просторная, тёплая, слишком тёплая для этих мест. На полу плотные ковры с вытертым узором, на стенах - шкуры и металлические пластины со световыми шарами, дающими ровный мягкий свет. Большая кровать из тёмного дерева с балдахином, такой же шкаф, выпячивающий грудь из угла. Воздух пахнет маслами, дымом и чем-то пряным. Масивный стол, заваленный свитками и инструментами, высокий стул с резной спинкой, зеркало в тяжёлой раме с потемневшим покрытием. Здесь чувствуется власть: не показная, а устоявшаяся, как камень. Несколько статуэток, чтобы создать уют, сухоцветы в вазе, которые неизвестно как тут оказались, и портрет самой хозяйки, который должен наводить страх в то время, когда её здесь нет.

Теперь же одна стояла под другой, усиливая эффект, и повторяя позу на портрете.

- Я не держу бесполезных людей, - начинает она без приветствия. - И не кормлю зазря. Если остаёшься в Крепе - бу-

дешь отрабатывать.

- Мне всегда приходилось рассчитывать только на свои силы, - киваю ей. – И я здесь для того, чтобы выполнять работу, которой обучена. Если можно, хотелось бы навестить Роха, чтобы осмотреть его рану. Полагаю, теперь во всём замке только я обладаю хотя бы какими-то знаниями в лекарском деле.

Хотя бы какими-то, - фыркает Ашкой. – Да они об эфе могли только мечтать!

- Это ещё предстоит доказать, - не желает верить мне на слово Тиэррис.

- Тогда не будем ждать, а займёмся этим сейчас, - да я заметила бородавку, о которой говорил Ашкой, потому делаю шаг в сторону альты. – Я намерена помочь вам.

Её фамильяр грозно выступает вперёд, предупреждая, чтобы я не приближалась, его раздвоенный хвост поднимается в стойке и виляет, подобно готовой броситься в любой момент змее.

- Мне? - в голосе Хольц неподдельное удивление, и я указываю на тёмную, грубую бородавку у линии челюсти, замаскированную слоем пудры и поднятым воротником.

- Полагаю, вы не раз пытались избавиться от неё, но что-то не получалось. Могу попробовать, уверена, там застой и искажённый ток энергии.

Тиэррис смотрит долго, недоверчиво. Наверное, ей проще, если не она будет первой в Крепе, кого я излечу. Всё

же боится незнакомки, вдруг я прибыла сюда затем, чтобы убить её.

- Я не настаиваю, - тут же отступаю к выходу. – Как я могу найти Роха?

- Сама провожу, - тут же решает и указывает на дверь, а я понимаю: она намерена смотреть на моё мастерство в деле.

Мы выбираемся из её комнаты и идём по коридору. Кэрис следит за мной с плеча хозяйки. Интересно, он чувствует Ашка? Обычно фамильяры - это животные или вещи, редко люди, но всегда видимые. Мой же спрятан глубоко внутри и не доступен простому взору.

Рох лежит спокойно, жар спал, края раны чистые, без нагноения. Я проверяю спайку, дыхание, реакцию. Всё идёт так, как должно.

- Уже лучше, - говорю ему. - Через пару дней будешь в норме, но без геройства.

Он слабо усмехается и благодарит меня.

Наверное, моё отношение к одному из Крепа убеждает Тиэррис в чём-то, или же она прислушивается к своему фамильяру и просит меня снова посетить её комнату.

Глава 30

Альта Хольц запирает дверь и садится в кресло оттопыривая ворот, но губы поджаты, будто она чем-то недовольна.

Работа не быстрая и не эффектная. Никаких вспышек, никаких жестов «по взмаху руки». Я разминаю пальцами хлеб, принесённый по моей просьбе одной из служанок Тиэррис, и леплю его на нужное место, отвечая попутно на вопросы. Станный метод, но действенный, если мы желаем перевести сгусток в другое место. Это как новая упаковка, в которую его следует поместить, и я осторожно пальцами выравниваю поток слой за слоем, раскручиваю нитку, пытаюсь нащупать край, и как только ощущаю его, тяну в хлебный мякиш, который на глазах превращается из ржаного в серый, а затем в чёрный. Тиэррис сжимает зубы, и по её желвакам осознаю: она ощущает моё лечение, но не прерывает его, веря в благополучный исход. Нить обрывается, и я снова её ищу, приучая кожу к новому состоянию, а не ломая её. Несколько минут, и меня прерывают.

- Довольно, - не справляется с болью альты, или же решает посмотреть, что вышло из моей работы.

- Я не закончила, - предупреждаю.

- В другой раз.

- Как скажете.

Убираю мякиш, замечая, что бородавка заметно светлее,

словно выгорела изнутри, стала меньше и мягче.

Тиэррис молча смотрит в зеркало, придирчиво рассматривая свою метку.

- Уживёмся, - наконец произносит она, поправляя ворот и смотря на меня с насмешкой. - А морщины убирать умеешь?

- Нет, - улыбаюсь я. - Такой магией не обладаю, но могу попробовать сделать крем, если найду нужные ингредиенты.

- Принесёшь. Кстати, как тебе общие спальни?

- Весело, но буду благодарна, если переведёте туда, где не так шумно.

- С этого дня займёшь комнату лекаря, она ему уже не пригодится. Личные вещи всё ещё там. Выделю двух слуганок, они помогут разобрать и выбросить всё ненужное. Будешь подчиняться только мне, это понятно?

Киваю, и внутри неимоверно радуюсь. Теперь-то посмотрим, как после этого на меня будет глазеть пятёрка.

- Вы представите меня замку?

- Сегодня за ужином.

- Мне очень повезло, что хозяйка Ледяного Крепа мудрая и справедливая женщина, - повторяю слова, сказанные Ашкаем, и лёгкая улыбка трогает губы альты.

- Тебе следует сменить одежду и обувь, - кривится, видя мужские сапоги. – На этот счёт я тоже распоряжусь. Как только разберёшься с комнатой – отправляйся в лекарскую, тебе следует оценить наполняемость травами и снадобьями и написать мне то, что тебе понадобится, чтобы поддерживать

здоровье в моей вотчине. Раз в четыре месяца сюда присылают отряд драконов, которые забирают сфары, а также приносят медикаменты, одежду, оружие и инструменты. Они придут через полторы недели, так что до этого срока необходимо составить список. А теперь иди.

Она ждёт, что я тут же покину её комнату, но я не тороплюсь.

- Могу ли я спросить на счёт Ночи Выбора? – хочу заручиться поддержкой Тиэррис.

- Уже? – усмехается она. – Не успела прибыть, как положила на кого-то глаз?

- Скорее наоборот, - отвечаю. – Не могу ли я пропустить ваш праздник в этом году, потому что совершенно никого не знаю.

- Тогда тебе не стоит переживать, тебя никто не выберет.

- Или уже выбрал.

Она замолкает, окидывая меня взглядом.

- Ты красива, неудивительно, если мужчина пожелал тебя. И я не имею ничего против, если ты примешь правила Севера. Поверь, здесь не так много радостей, и, когда мой муж ввёл такой праздник, люди пришли в восторг.

- Уверена, это очень весело, но я не могу принимать участие в подобном, извините, я, - быстро раздумываю, что же ответить, - дала обет своему жениху, который ждёт меня в Варругне.

Она прищуривается, словно не верит в эту чушь. Соглас-

на, звучит бредово. Кто в своём уме оставит жениха и отправится к каторжникам? Такое себе объяснение.

- Валар красивый мужчина, - решает, что именно он желает сделать свой выбор в мою пользу, и хочу её поправить, как альта продолжает, - но, если он не в твоём вкусе, я пойду навстречу. Тем более знаю, что его давно мечтает выбрать другая. Ты можешь рассчитывать на моё покровительство.

- Спасибо, - камень падает с моих плеч.

- Но присутствовать там ты должна!

- Как пожелаете, альта.

Поклон благодарности, и выбираюсь из комнаты. Ну что ж, теперь у меня личные покои и благосклонность хозяйки крепости. Неплохо-неплохо, осталось это всё теперь удерживать.

Глава 31

Комната лекаря встречает нас затхлым запахом старых трав, пыли и давно не мытых полов. Две служанки Тиэррис принимают за дело молча и споро: видно, что к подобным поручениям им не привыкать. Сначала мы просто открываем окна, впуская холодный, колючий воздух Севера, и он, словно ножом, срезает застоявшуюся тяжесть.

Личные вещи бывшего лекаря оказываются разными. Потрёпанный плащ с прожжёнными краями летит в корзину. Сломанная оправка для мазей, треснувшие склянки, пустые флаконы с засохшим осадком туда же. Находим стопку исписанных листов: рецепты вперемешку с бессвязными заметками, половина ошибочна или опасна. Я без сожаления отправляю их в огонь. Наброски обнажённых женщин, по всей видимости, мой прежний коллега имел слабость к рисованию, тоже сгорают в камине. Из полезного остаются только инструменты: ножи для вскрытий, иглы, пара ещё годных ступок, весы, которые чудом не расстроились. Всё остальное - хлам человека, давно махнувшего рукой и на себя, и на тех, кого лечил.

Одежду и личные принадлежности служанки забирают, чтобы отнести экономке, она распределит их среди нуждающихся.

Когда комната наконец начинает напоминать место, где

можно жить, кровать застелена свежими простынями, а я довольна работой, отправляюсь в лекарскую.

Вот где настоящий разгром.

Полки забиты без всякой логики: сушёные корни рядом с ядами, мази для ожогов вперемешку с настойками от кашля, редкие травы свалены в открытые ящики, пропитавшись влагой. Некоторые пучки почернели от плесени, другие пересохли до трухи. На столе слои пыли, старые пятна, следы от ножей и засохшие капли чего-то, что лучше не нюхать.

Я оглядываюсь и мысленно вздыхаю: да, тут работы минимум на неделю.

Начинаю с самого простого - сортировки. Отделяю живое от мёртвого, годное от опасного. Раскладываю травы по свойствам:

- согревающие: ильмар, красный корень, высушенные ягоды шейры;
- противовоспалительные: ледяная мята, серый шалфей, кора талла;
- для заживления: паучий лист, смола камнедрева, толчёный лишайник;
- успокаивающие: синий мак, семена ветровницы;
- ядовитые отдельно, под замок: чёрный паслён Севера, кость-папоротник, сок белой тени.

Всё заново подписываю, наклеивая поверх выцветших бумажек другие, чтобы ненароком не взять по ошибке ненужное, и как раз в этот момент на пороге появляется невысокая,

плотная женщина в выцветшем переднике. Волосы убраны под платок, тыльные стороны ладони в шрамах от порезов и ожогов, одним словом - рабочие руки. Она замирает, удивлённо глядя на меня и на то, как преобразается лекарская.

- Вы... - она запинаятся, не понимая, отчего я тут хозяйничаю.

- Новый лекарь по назначению алыты Хольц. Сегодня она представит меня крепости, а пока, чтобы не терять время, навожу порядок. Могу узнать, с кем имею честь говорить?

Она несколько секунд переваривает услышанное, потом эту мою манеру общения, которую следует менять, конечно же, на более понятную и простую. Осознаёт моё положение, затем выпрямляется.

- Я Лейна. Помощница бывшего лекаря. Значит теперь ваша?

- Значит, моя, - киваю. – Если, конечно же, хотите остаться и работать.

В её взгляде мелькает облегчение.

- Хочу. Но у меня одно просьба.

- Какая?

- В Крепе все к друг другу обращаются проще, так что будет лучше если...

- Поняла, - благодарно киваю.

Мы принимаемся за дело уже вдвоём. Лейна знает, где что лежало, я - где и как это должно лежать. Мы переставляем полки, подписываем ящики, сушим то, что ещё можно спа-

сти, выбрасываем безнадежное. К вечеру лекарская перестает быть складом отчаяния и начинает походить на место, где действительно лечат.

Моя спина ноет, но внутри всё поёт, окрылённое успехом. Теперь это мой мир, в котором стану помогать людям. И, оглядывая результат, второй раз за день чувствую удовлетворение.

Да. Здесь я задержусь. И Крепу придётся с этим считаться.

Глава 32

В столовую мы входим вместе с Тиэррис, и разговоры затихают не сразу: сначала ломаются, спотыкаются, а потом обрываются, будто кто-то перерезал нить. Она идёт уверенно, не торопясь, я - на полшага позади, как и положено. Каменный пол холодит ступни даже сквозь подошву, которая теперь совершенно не похожа на старые мужские сапоги, и этот холод странно отрезвляет.

На мне новое платье: тёмно-синее, почти чёрное при плохом свете, плотное, с высоким воротом и узкими рукавами, не мешающими работе. Ткань грубовата, северная, но сидит идеально по фигуре, без лишних складок. Никакой показной роскоши, но и не тряпье каторжницы. Белый передник я оставила в лекарской, он как атрибут, а пока могу быть без него. На груди - вышитый символ Хольц.

Знак простой и страшный в своей ясности: разомкнутый круг, внутри которого острый треугольник, вершиной вниз, словно клык или ледяное копьё, вонзённое в землю. Символ власти, порядка и дозволенного насилия. Такие же я уже видела у пятёрки, у надсмотрщиков, у тех немногих, кто здесь не просто выживает, а решает. Теперь он и на мне.

Меня приняли в элиту Крепа.

Тиэррис останавливается у очага, поворачивается к залу и не повышает голос, ей это не нужно.

- Внимание.

Тишина становится полной, даже ложки замирают, а я, сложив руки перед собой, смотрю спокойно на тех, кто взирает на меня, и различаю несколько знакомых женщин и мужчин.

- С этого дня в Ледяном Крепе есть лекарь, - говорит альта, и её взгляд скользит по лицам. - Мейя Заури. Вы можете обращаться к ней за помощью, если вам действительно плохо.

Далее следует короткая, опасная пауза.

- Но, если я узнаю, что кто-то притворяется больным, чтобы уклониться от работы, или докучает лекарю без причины, - будут жёсткие меры.

Никто не сомневается, какие именно, все просто внимают сказанному хозяйкой крепости. Удивительно, но в мире, где жила я, решали мужчины, а потому испытываю невероятное уважение к женщине, которая смогла добиться подобного послушания.

- С этого дня Мейя занимает покои лекаря и его лекарскую, - делает жест, и я шагаю вперёд и склоняю голову ровно настолько, чтобы это выглядело уважением, а не покорностью.

Мой взгляд встречается с Валаровским, и он, приложив руку к сердцу, слегка кивает в знак одобрения, рядом с ним улыбается Ирвик. Майна стоит с недовольным лицом, сложив руки на груди. Наверное, не представляет, как после всего,

что между нами произошло, сможет подойти и просить о помощи. Ляхи нет, и это настораживает.

Первым хлопает Севир: нарочито громко, будто на представлении.

- Ну что ж, - тянет он, поднимаясь со скамьи и пожирая меня глазами. - Давайте поприветствуем нашего нового лекаря!

Несколько человек хлопают, неуверенно переглядываясь. Потом ещё и ещё, весь зал наполняется шумом ладоней, и аплодисменты становятся плотными, тяжёлыми, как дождь по камню, а для меня неуместными, но я выдерживаю такое приветствие.

Кто-то улыбается, кто-то смотрит с любопытством, кто-то с явным безразличием, для них это не радость, а признание факта.

Ещё утро я была никем, а теперь официальный лекарь Ледяного Крепа, и теперь надо осторожно выбирать себе друзей и врагов.

Глава 33

Никогда прежде на меня не смотрело столько людей одновременно, и ловлю себя на мысли, что совершенно не нравится подобное внимание. Не хочу играть в гляделки с пятёркой, а потому скольжу взглядом по залу дальше и нахожу Эрвейна.

Он сидит и медленно ест, словно это его совершенно не касается. Не хлопает, не смотрит в мою сторону, показывая, что ему неинтересно происходящее. Только короткий, оценивающий взгляд, и снова миска, ложка, ровные движения. Наверное, от остальных я бы предпочла того же.

Одним движением руки Тиэррис гасит хлопки, и все понимают: церемония окончена. Гул возвращается, но уже другой, потому что люди принимаются за свои дела. Кто-то продолжает смотреть в мою сторону, но большинство, устав за день, торопятся закончить ужин и отправиться в комнаты.

- Теперь твоё место там, - тычет она на стол в самом конце, который стоит рядом с пятёркой. За ним несколько людей с нашивками, среди которых тот самый с резонатором. Признаться, утром мне хотелось сбежать от Майны и других, но теперь я бы с радостью села с ними, чем с теми, кто куда опаснее, имея в руках власть и желание обладать ею ещё больше. Подозреваю, что теперь меня ждут подковёрные интриги и куча сплетен.

Губы альты оказываются у моего уха.

- Надеюсь, ты понимаешь, что тебя ждёт, пожелай ты устроить заговор против меня, - предупреждает, хотя я даже не задумывалась об этом. По крайней мере сейчас. – Я умею награждать, но и карать тоже, - отодвигается от меня, натягивая улыбку. – Приятного аппетита.

После этих слов она отбывает из столовой, а я отправляюсь к очереди, занимая место.

- Тебе не нужно больше стоять со всеми, - говорит какая-то девушка, пытаясь спрятать выпирающие зубы под ладонью. Видно, как она не уверена в себе, оттого не смотрит в мою сторону, а куда-то под ноги. – Достаточно сесть за стол и служанки всё принесут, - кивает она туда же, куда только что указала Хольц.

Куда комфортнее было бы остаться здесь, но нужно соответствовать статусу, и я с ровной спиной отправляюсь к нужному столу, путь к которому ведёт через пятёрку.

- Поздравляю, - попадаю в объятия Валара, который, не стесняясь, прижимает меня к груди. – Я же говорил, что всё получится.

- Спасибо, всё благодаря тебе.

- Благодаря себе, - не соглашается он, и я отмечаю, что он не имеет нашивки. – Навещала Роха?

- Да, ему уже лучше.

- Ладно, не отвлекаю, тебе следует поесть, а у меня ещё остались дела, - хлопает по плечу, освобождая дорогу, и я

вижу, как за его спиной стоит блондин, раскинув руки.

- Поздравляю, - передразнивает Валара, хватая меня, что не успеваю опомниться, и вот уже в его руках, а он шумно вдыхает запах моих волос. – Я думал о тебе, рыжая, - шепчет мне на ухо. – А ты вспоминала Севира?

Ненавижу, когда люди говорят о себе в третьем лице. Есть в этом что-о невероятно заносчивое.

- Пусти, - прошу спокойно, вспоминая случай на женской половине. – Ты же не хочешь, чтобы о тебе говорили так же, как о Майне?

Уверена, он слышал эту историю, а потому отскакивает от меня сразу.

- Родная, не горячись, я же от чистого сердца, - тянет улыбку и несколько раз касается указательным пальцем своего лба, обозначая слово «помни», - Ночь Выбора.

Не хочу сразу открывать карты и говорить, что его ждёт разочарование, а потому просто прохожу мимо и сажусь на свободное место.

Глава 34

За неделю всё приходит в распорядок. Не сразу, не по щелчку, а как налаживается жизнь в Крепе вообще: с хрустом, через боль и привычку.

Лекарская постепенно перестаёт быть свалкой. Я разбираю полки, подписываю ящики, сушу травы на верёвках под потолком, вымываю столы до каменной серости. Запах гнили и старых настоек уходит, уступая терпкому полынному, хвойному, горько-медовому. Здесь снова можно дышать.

Люди идут. Сначала настороженно, потом всё смелее.

Обморожения пальцы, уши, щёки, носы. Трещины кожи, что не заживают месяцами. Лёгкие, забитые каменной пылью, хрипы, надсадный кашель. Сорванные спины, вывихи, переломы, которые «и так срастутся», если не мешать, только нужен покой и постельный режим, который не может обеспечить Север. Гнойные раны, нарывы, воспаления от грязных инструментов. Кашель, чихание, сопли, слезотечение и лихорадка.

Я режу, чищу, промываю, накладываю повязки, смазываю, зашиваю, заставляю терпеть и ругаться, потому что боль - это цена за то, чтобы жить дальше.

Кто-то благодарит, кто-то принимает помощь молча, некоторые смотрят с недоверием, но лишь до первого облегчённого вдоха. Потом начинается паломничество с хлебом и

печеньем, которые люди оставляют из своего и без того скудного пайка мне в знак благодарности. Я отказываюсь, завариваю чай и требую, чтобы они съели это при мне, потому что в этом заключено часть лечения.

Креп не в силах обеспечить людей витаминами, которые просто необходимы в условиях зимы, не хватало ещё чтобы они отказывались от той малости, что у них есть.

Винола прибегает почти каждый день. Худенькая, глаза-стая, с вечно растрёпанными волосами и невероятной жаждой всё узнать. С тех пор, как я появилась в Крепе, она только и делает, что пропадает в лекарской, хотя до этого и заходить сюда боялась. Девочка усаживается на табурет и смотрит так, будто я - окно в другой мир.

- А это что? А почему ты делаешь так? А если у человека нет магии, он всё равно может лечить?

Это не из праздного любопытства, она мечтает стать лекарем.

Я учу её, как когда-то меня учила мать: мыть руки, слушать дыхание, не бояться крови, отличать жар от воспаления, боль от симуляции. Винола не искра, в ней нет ни капли магии. Зато есть упорство, память и настоящее желание помогать. Иногда этого достаточно.

Показываю травы, даю толочь корни и разрешаю подавать инструменты для очередного пациента. Учусь считать капли, потому что она совершенно не знает счёта, а еще грамоте по вечерам, осваивая букву за буквой, когда выделяется сво-

бодная минута. Лейна каждый раз норовит придумать себе какое-то дело, ненароком подслушивая наши уроки, я лишь теперь понимаю: она тоже неграмотна.

- Но как ты различаешь всё, что здесь находится? – удивляюсь.

- Просто у меня хорошая память, - улыбается она.

Крепость гудит о Ночи Выбора. Перешёптывания гуляют по коридорам, женщины начинают прихорашиваться, мужчины смеются в столовой, шипят в спальнях: кто с кем, кто за кем давно смотрит, кто собирается «братъ», а кто - прятаться. Я стараюсь не вслушиваться и надеюсь, что Тиэррис помнит о своём слове, потому что для меня ничего не помнялось: блондин всё так же невероятно раздражает, каждый раз встречаясь на пути.

Бородавку на шее альти мне удалось свести. Кожа ровная, чистая, будто ничего и не было. Холщ ловит своё отражение при каждом удобном случае и довольно улыбается. Для крема я записала недостающие ингредиенты в список, который отправится в Варруген. Там указаны редкие масла, северные цветы, пара корней, которые растут только под ледником. Теперь остаётся ждать, когда придут драконы.

Льяха объявляется на пороге лекарской накануне злополучной ночи, будто случайно.

- Слушай, - тянет она, облакачиваясь о косяк, - Валар ничего не говорил? Ну... про Ночь.

Я поднимаю взгляд от ступки.

- Нет.

Это правда. Мы продолжаем общаться и с ней, и с ним. Ровно, спокойно, без намёков. Мне искренне всё равно, кто у кого проведёт ночь. Я вообще не понимаю, как это выглядит, если у них общие комнаты. Шторы? Очередь? Договорённости шёпотом? Вакханалия?

Мысли цепляются за это, и я резко трясую головой, отбрасывая их прочь. Бррр. Даже представлять не желаю этот ужас. Я в таких вечерах не участвовала, и участвовать не намерена.

Сегодня позволила Виноле остаться в лекарской, боюсь, что она может увидеть лишнего, всё же ребёнок, и мне хочется уберечь её от взрослой жизни.

И пусть Креп живёт своим гулом, у меня здесь своё дело.

Глава 35

К вечеру за мной приходят Ляха и Майна.

И если первая выглядит как всегда насмешливой и собранной с прищуром вечной наблюдательницы, то Майну я сначала не узнаю. Волосы больше не редкие, не рваные: на месте бывшей проплешины пробился плотный тёмный пушок, аккуратно приглаженный, будто она боится дотронуться до него лишний раз. Скоро догонит остальные, я это знаю, и она тоже.

Майна не косится, не шипит, даже не пытается задеть. Мы обе помним, как всё было, и обе сделали вид, что это осталось в прошлом. Я сама предложила ей помощь, и этим, кажется, окончательно выбила почву у неё из-под ног, но теперь, даже когда я не вижу, она заступает за меня, если вдруг слышит, что кто-то говорит обо мне плохо. Хотя с каждым днём таких голосов всё меньше и меньше.

- Идём, - говорит Ляха, хлопая меня по плечу. – Ты не говорила с ним?

Понимаю, что она про Валара, но это слишком щекотливая тема, чтобы я малознакомому мужчине сватала кого-то. Он сам должен сделать выбор, иначе получится, что будет чувствовать себя виноватым, если выбор будет не таким, как я просила.

- Весь день была занята, не было времени.

Льяха грустно вздыхает и кивает понимающе.

- А ты кого присмотрела себе? – интересуется.

- Я никого не выбирала, - сухо отвечаю, застёгивая ворот.

- А тебя - да, - фыркает она. - Или ты правда думала, что обойдётся?

- Вы издеваетесь? - смотрю на них по очереди. - Я похожа на ту, кому не хватает мужчины?

- Обычно таким и достаётся больше всего внимания, - не соглашается со мной Льяха, и я бы ни за что не поддавалась на их уговоры, но Тиэррис требовала моего присутствия.

Зал церемоний - сердце Крепа, и сегодня его не узнать.

Кто-то постарался на славу, украсив стены тканью и световыми шарами.

Все в лучших нарядах, какие только можно достать на Севере. Тёплые ткани, вышивка, пояса, украшения из кости и металла. Женщины с распущенными или заплетёнными волосами, мужчины - выпрямленные, громкие, словно перед боем. Пахнет дымом, потом, пряностями, словно кто-то использовал их вместо духов, и ожиданием.

Занимаю место в стороне, у колонны, сложив руки, и желаю лишь одного: чтобы это быстрее закончилось. И всё же признаюсь себе: любопытство гложет. Просто посмотрю, как проходят первые «выборы» и уйду к себе, конечно, как только позволит Холыц.

Она сидит на возвышении на большом резном стуле, больше похожем на трон, а на её шее красивое колье, и я пони-

маю: она надела его впервые по случаю, не боясь, что остальные увидят бородавку, которой теперь нет.

Альта поднимается и говорит об обычаях, вспоминает своего мужа, а потом объявляет открытие праздника.

Первую пару выбирают почти сразу без шума, без пафоса. Мужчина выходит на специальное место и называет имя женщины, та сразу поднимается к нему, руки соединены, они проходят по коридору из людей, выстроившихся по обе стороны, и становятся в самом конце.

Вторая женщина смеётся. Она сама тянет за рукав того, кого хочет, и в зале раздаётся одобрительный гул. Здесь это тоже допустимо.

Третья колеблется. Двое мужчин, напряжение, взгляды. Она выбирает одного, второй отступает, его хлопают по плечу в знак поддержки. Никто не спорит, все в приподнятом настроении, у него есть ещё шанс.

Я уже почти расслабляюсь, когда слышен топот, и в зал церемоний врывается человек в рабочей куртке с обледеневшими плечами.

Глава 36

Мужчина пробирается сквозь толпу и подбегает к Хольц, быстро нашёптывая ей что-то на ухо. Это дозорный, которые обычно меняются каждые три часа. И вряд ли он здесь, потому что желает выбрать себе женщину.

Альта хмурится. Лицо, ещё недавно довольное и спокойное, каменеет, а глаза пытаются разыскать кого-то в толпе. Она останавливается на мне, но ничего не говорит и не делает, а выпрямляется на стуле, медлит секунду, затем встаёт.

- Продолжайте, - говорит Хольц глухо, уже не глядя на зал.
- Обряд не прерывать, довести до конца. Мелих за главного, - назначает вместо себя долговязого некрасивого мужчину, имеющего должность главного артефактора Крепа.

Тиэррис уходит быстрым шагом, бросая на меня ещё один колкий взгляд. Дверь за ней закрывается, и в этот миг я ясно осознаю: теперь здесь нет никого, кто мог бы сказать «нет» вместо меня. Может, мне тоже стоит уйти?

- Продолжаем, - гнусаво повторяет Мелих, и зал снова приходит в движение.

- Помоги мне, Праматерь, - шепчет рядом Льяха, вижу, как она, сложив руки в замок, смотрит вперёд. Очередь дошла до Валара.

Он выходит уверенно, как человек, привыкший к вниманию. Льяха рядом со мной замирает, смотрит во все глаза,

не моргая, будто боится пропустить момент, который решит её судьбу.

- Лиэрна, - произносит Валар.

Не Льяха.

Она вздрагивает, словно её ударили, но тут же выпрямляется. Лицо каменеет, губы растягиваются в подобие улыбки. Я чувствую, как у неё внутри что-то обрывается, мне хочется взять женщину за руку, и я делаю это, а она сжимает мою ладонь так крепко, что вот-вот раздавит.

- Пожалуйста, полегче, - шиплю ей, пытаюсь вырваться, ведь лекарю просто необходимы руки. Валар тем временем уводит выбранную под одобрительный гул зала.

К моему удивлению и её удивлению кто-то выбирает Майну, и она, изумлённо распахнув глаза, выходит вперёд, принимая своего избранника.

Я почти решаю, что меня действительно обойдут стороной, что обещание Хольц сработает даже в её отсутствие, и тогда выходит он - Севир Лоран. Светловолосый, спокойный, красивый той холодной, хищной красотой, от которой хочется сделать шаг назад. Он улыбается не широко, нет, - уголком губ, будто заранее знает исход.

- Мейя Заури, - произносит громко.

Взгляды мгновенно оборачиваются в мою сторону: любопытные, оценивающие, откровенно жадные. Я ощущаю себя зверем, на которого указали пальцем.

- Иди, - подталкивает Льяха. - Ты же знаешь правила.

Да, но я была намерена их нарушить, а потому смотрю на выход. Двери так же плотно сомкнуты. Следовало попросить заранее объявить альте о моей неприкосновенности.

Колени будто налиты свинцом, но я всё же делаю шаг, потом второй, уверяя себя, что сейчас всё разрешится. Я не дам себя в обиду.

Поднимаюсь на помост, чувствуя, как сотни глаз прожигают спину. Я уже знаю, что скажу, как объясню, почему откажусь, и вышла чтобы не выкрикивать из толпы.

- Я...

Но мои слова тонут в резком гуле распахнутой двери, и все оборачиваются, смотря, как по проходу шагает Тиэррис с напряжённым и серым лицом. Шаги быстрые и твёрдые. За ней идёт высокий мужчина, на плечах которого серебрится иней, что ещё не успел растаять. Очевидно, он с дороги и только прибыл в Креп.

- Я сделал выбор, - Севир хватая моё запястье, намереваясь утащить отсюда, потому что осознаёт: сейчас праздник будет прерван тем, кто пришёл.

Человек выходит на свет и снимает капюшон, а мне не хватает воздуха.

Я узнаю это лицо. Шрам у виска, линия рта, взгляд, который когда-то был моим домом и моей клеткой.

С ужасом чувствую, как холод поднимается от живота к горлу.

Моя спокойная жизнь закончена.

Передо мной стоит не кто иной, как мой муж.

Глава 37

Огромный зал становится тесным и душным. Лаэрд буравит меня глазами, останавливаясь взглядом на моей груди, где пришит отличительный знак. Уверена, видел такой же на Хольц, понимает, что я не простая служанка. И раз мой муж здесь, выходит, хорошо знает, как добраться до Ледяного Крепа.

Молчание затягивается, никто не произносит ни слова, выжидая, когда заговорит хозяйка. Тиэррис же словно чего-то выжидает, и тут звучит ненавистный голос.

- Ну здравствуй, Мейя, думала, от меня можно спрятаться?

Блондин подкидывает брови, пытаюсь по лицу своей покровительницы определить, с кем имеет дело, и тут же на его лице появляется оскал.

Он делает шаг, заслоняя меня собой, и не сразу понимаю, что они знакомы.

- Помощник папочки, - фыркает Севир в сторону моего мужа. – Полудракон на побегушках, - высмеивает его, набирая себе баллы в моём расположении. Только я не передумаю на счёт его постели.

- Кто тут у нас? – хмурит брови Лаэр, склоняя голову

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.